

На правах рукописи

Изотов Дмитрий Александрович

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В АТР:
ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА И ЭФФЕКТОВ
(на примере российского Дальнего Востока)**

08.00.14 – Мировая экономика

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Хабаровск 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИЭИ ДВО РАН)

Научный консультант: доктор экономических наук, академик РАН
Минакир Павел Александрович

Официальные оппоненты: **Хейфец Борис Аронович**
доктор экономических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук, главный
научный сотрудник Центра постсоветских исследований

Федоровский Александр Николаевич
доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е. М. Примакова Российской академии наук»,
руководитель группы «Общих проблем Азиатско-Тихоокеанского
региона» научного направления «Центр Азиатско-Тихоокеанских
исследований»

Погорлецкий Александр Игоревич
доктор экономических наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный университет», профессор кафедры «Мировая
экономика»

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»**

Защита состоится 10 февраля 2022 года в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 005.014.01 в Институте экономических исследований Дальневосточного отделения РАН по адресу: 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153. Факс: (4212) 22-59-16.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, а также на сайте организации <http://ecrin.ru/dissertatsii-i-svedeniya-o-soiskatelyakh>

Автореферат разослан 18 октября 2021 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат экономических наук

Белоусова Анна Васильевна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. За последние три десятилетия (1990-е – 2010-е гг.) заметное расширение торгово-экономических взаимосвязей между странами стало возможным благодаря интеграционным процессам в мировой экономике, причем наиболее отчетливо – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)¹, на который в конце 2010-х гг. приходилось более половины мировой экономики и торговли. Несмотря на то, что к настоящему времени практически все страны АТР являются членами ВТО и, соответственно, взаимоотношения между ними регулируются практикой глобального мультилатерализма, процесс экономической интеграции² в субглобальной экономике имеет свою специфику с точки зрения протекания процесса регионализации и попыток создания крупных торговых форматов (мегаформатов) – ТТП³, ВПТПП⁴, ВРЭП⁵ и в рамках АТЭС⁶. Сближение стран АТР за счет обоюдного снижения различного рода барьеров, сдерживающих торгово-экономические взаимодействия, создает условия для развития их экономик. С одной стороны, данное сближение способствует расхождению в развитии между странами, расширяющими торгово-экономические соглашения и принимающими активное участие в построении торгово-экономических форматов, и странами, развивающимися в условиях периферийной автаркии в АТР. С другой стороны, нарастающее усложнение текущих механизмов взаимодействий между странами АТР способно выступить в качестве сдерживающего фактора расширения торгово-экономической интеграции в субглобальной экономике, эффекты от глобализации могут существенно превалировать над эффектами от регионализации, а создание конкурентных мегаформатов может создать предпосылки для фрагментации в АТР.

Быстрое развитие интеграционных процессов в АТР является, с одной стороны, вызовом для России, которая в последнее время все более акцентирует свои экономические взаимодействия именно на восточном направлении, а с другой стороны – потенциальным фактором интенсификации процессов экономического роста и благосостояния. Именно поэтому идея географической диверсификации торгово-экономических связей России за счет сближения со странами АТР стала одной из наиболее широко обсуждаемых как в политических, так и в академических кругах.

¹ К АТР в диссертационном исследовании отнесены страны и экономические территории Тихоокеанского кольца (Австралия, Бруней, Вануату, Восточный Тимор, Вьетнам, Гватемала, Гондурас, Гонконг, Индонезия, Камбоджа, Канада, Кирибати, КНДР, КНР, Колумбия, Коста-Рика, Лаос, Макао, Малайзия, Маршалловы острова, Мексика, Микронезия, Науру, Никарагуа, Новая Зеландия, Новая Каледония, Палау, Панама, Папуа – Новая Гвинея, Перу, Россия, Республика Корея, Сальвадор, Самоа, Сингапур, Соломоновы острова, США, Таиланд, Тайвань, Тонга, Тувалу, Уоллис и Футуна, Фиджи, Филиппины, Французская Полинезия, Чили, Эквадор, Япония), а также Монголия и Мьянма. Являясь частью глобальной экономики, АТР в исследовании также именуется как субглобальная экономика.

² Термин «экономическая интеграция» в исследовании используется для описания сближения национальных экономик и их групп при нивелировании тарифных, нетарифных и институциональных барьеров, сдерживающих торгово-экономические взаимодействия между ними. При этом экономические взаимодействия могут экстенсивно наращиваться без существенного снижения барьеров между странами, что соответствует «экономической кооперации» между ними.

³ Транстихоокеанское партнерство.

⁴ Всестороннее и прогрессивное соглашение Транстихоокеанского партнерства.

⁵ Всестороннее региональное экономическое партнерство.

⁶ Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.

В практической экономической политике стремление России к диверсификации политических и экономических связей в пользу стран АТР, и прежде всего территориально близких стран Восточной Азии, выражается как стратегия «поворота на Восток». Однако до настоящего времени, несмотря на некоторые попытки расширения своего присутствия на рынках стран АТР, российская экономика в целом остается за рамками торгово-экономической интеграции в АТР, находясь во «втором эшелоне» подобного рода взаимодействий. Это объясняется наличием ряда эндогенных и экзогенных ограничений для сближения с субглобальной экономикой. В качестве эндогенных ограничений выступают особенности функционирования российской экономики, которые определяют вектор российской внешнеэкономической политики. Экзогенными ограничениями являются барьеры во внешней среде, сдерживающие расширение торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР. Фиксация данных ограничений ведет к реальной изоляции российской экономики в рамках субглобальной экономической системы, что будет иметь очевидно негативные последствия для национальной экономики и уровня благосостояния населения. Торгово-экономическая интеграция в рамках тихоокеанской субглобальной экономической системы для интенсификации позитивных эффектов требует нивелирования ограничений на сближение с экономиками АТР.

Особое значение данный аспект приобретает в условиях возможного конкурентного выбора для российской стороны с точки зрения расширения экономических взаимодействий с формирующимися торговыми мегаформатами в АТР в условиях многовекторности внешнеэкономических отношений России, а также текущего сближения с китайской экономикой.

Возможности непосредственного включения России в процесс торгово-экономической интеграции с субглобальной экономикой главным образом связаны с развитием Дальнего Востока, который территориально относится к АТР, имея со странами этой группировки протяженную сухопутную и морскую границы. Ввиду значительных расстояний от основных рынков сбыта России, расположенных в западной части страны, экономика Дальнего Востока на протяжении последней четверти века тесно связана с близлежащими рынками стран АТР, снижение барьеров взаимодействия с которыми способно нарастить взаимную торговлю. Дальний Восток может выступить в качестве «оператора» расширения торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР, что способно обеспечить функционирование экономики макрорегиона как части российской экономики, при активном ее включении в систему субглобальной экономики¹.

Несмотря на многочисленные исследования разнообразных эффектов торгово-экономических взаимодействий в АТР, перспектив формирования и сближения мегаформатов в субглобальной экономике, оценки сравнительных эффектов интеграции в АТР, связанные с разграничением влияния процессов глобализации и регионализации, не получили достаточного развития. В научной литературе при-

¹ В исследовании анализ и оценки в целом представлены до 2018 г. включительно, что связано с ограничениями в получении статистических данных для Дальнего Востока России, к которому отнесены девять субъектов Российской Федерации: Амурская область, Еврейская автономная область (ЕАО), Камчатский край, Магаданская область, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Хабаровский край и Чукотский автономный округ (ЧАО). В исследовании под макрорегионом понимается Дальневосточный федеральный округ (ДФО) или Дальний Восток, под регионом – основная административно-территориальная единица страны.

водятся хоть и многочисленные, но фрагментарные результаты отечественных и зарубежных исследований политического и экономического взаимодействия России со странами АТР, оценки экзогенных и эндогенных ограничений на участие российской стороны в интеграционных процессах, а также сравнительных эффектов торгово-экономической интеграции России с перспективными мегаформатами, в которые входят ключевые экономики АТР. В частности, несмотря на то, что за последние два десятилетия особенно заметным является увеличение масштабов торгово-экономических взаимодействий России с КНР, а также политическое сближение двух стран, разработка сценария расширения российско-китайских торговых взаимодействий с точки зрения соотношения эффектов интеграции, а также определение долгосрочных рисков таких взаимоотношений для российской стороны отражаются в научной литературе не в полной мере.

К числу нуждающихся в существенном повышении уровня системности относятся исследования факторов, потенциала и сравнительной интенсивности торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России с рынками товаров и капитала АТР. Нуждается также в углублении исследование проблем совмещения институциональных режимов функционирования экономик, имеющее особое значение в современных условиях. Реализуемые в последние годы меры государственной политики для достижения целей ускоренного развития экономики Дальнего Востока, в том числе за счет расширения торгово-экономических отношений со странами АТР, не сопоставляются с опытом других стран, имеющих сходные с Россией институциональные и структурные характеристики, что способно ограничить их результативность.

Нерешенность описанных проблем в изучении торгово-экономических взаимодействий со странами АТР, особенно касающихся регионального аспекта¹, обусловила выбор направления, цели и задач диссертационного исследования.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика изучения процессов и эффектов экономической интеграции национальной экономики с глобальной и субглобальной экономикой является многоаспектной и отражена в большом количестве исследований как зарубежных, так и отечественных.

Базовые теоретические и методологические основы изучения стадий и механизмов интеграционного процесса были заложены в рамках классических исследований Дж. Вайнера, Б. Балассы, Дж. Мида, Дж. Липси, К. Ланкастера, Р. Триффина, Дж. Бхагвати и других. Теоретические исследования интеграционных процессов в условиях протекания процессов глобализации и регионализации отражены в работах Р. Болдуина, Дж. Уоллея, Д. Родрика, П. Нири, В. Этира, П. Кругмана, Л. Калиендо, Р. Финстры, Дж. Ромалиса, А. Тэйлора, Е. Лимера, Дж. Левинсона, М. Бешкара, Г. Гроссмана, Э. Хэлпмана, М. Крейна и других.

В современных условиях изучение механизмов интеграции носит междисциплинарный характер, охватывая институциональные аспекты функционирования политических и экономических систем, что было отражено в работах следующих исследователей: Р. Болдуина, Г. Гроссмана, Э. Хэлпмана, М. Крейна, Дж. Макларена, К. Багвелла, Р. Стейгера, Г. Магги, Н. Нанна, М. Фуджиты, Ж.-Ф. Тис-

¹ Региональный аспект экономической интеграции в исследовании понимается как проявление эффектов от нивелирования торгово-экономических барьеров для национальной экономики в целом на региональные подсистемы.

са, П. Ваннакота, А. Алесины, А. Сайкса, М. Кордена, Д. Хаммелса, П. Кленова, П. Кругмана, Т. Гокана, К. Ямамото, Д. Хаммелса, К. И, Дж. Ишии и других.

Особое значение в исследовании эффектов интеграции, а также барьеров торгово-экономических взаимодействий занимают работы Дж. Вайнера, Б. Балласы, Г. Хаберлера, Я. Тинбергена, П. Кругмана, С. Байера, Дж. Андерсона, Й. Йотова, Т. Зилкина, Дж. Бергстранда, М. Ларча, Г. Ки, А. Никиты, М. Оларреги, Д. Хаммелса, П. Кленова, Д. Нови, М. Аллена, Н. Каванабе, Н. Нанна, А.А. Левченко, Д. Де Розы и других. Институциональные ограничения и опосредованные эффекты процесса регионализации затронуты в исследованиях Дж. Бхагвати, П. Мартина, Т. Майера, М. Зоеинга, К. Хаякавы, Н. Цинцзи, Т. Матсууры, Т. Иошими.

Среди российских исследователей теоретических и политических аспектов торгово-экономической интеграции в глобальной и субглобальной экономиках следует отметить С.А. Афонцева, И.С. Королева, В.В. Михеева, М.Ю. Головина, Б.А. Хейфица, А.Н. Федоровского, В.С. Загашвили, А.С. Булатова, А.В. Кузнецова, Ю.М. Шишкова, Л.Б. Вардомского, Н.А. Волчкову, Н.А. Турдыеву, Е.Ю. Винокурова, А.М. Либмана, С.А. Караганова, Л.А. Аносову, Л.С. Кабир, Д.И. Ушкалову, Г.П. Глинкину, А.П. Портанского, А.И. Погорлецкого.

Теоретические исследования процессов расширения торгово-экономических взаимодействий в АТР затронуты в работах К. Акаматсу, К. Коджимы, Ф. Кимуры, А. Куно, К. Хайякавы, К. Фреунда, Е. Орнеласа, М. Окабе, В. Торбеке, Р. Болдуина, Т. Окубо, Р. Помфрета, Д. Хиратсуки. Текущие и перспективные оценки эффектов крупных торговых соглашений в АТР были отражены в исследованиях П.А. Петри, М. Пламмера, Ф. Чжая, Ч. Ли, Дж. Вана, А. Абдул-Рахима, Дж. Франкеля, А. Роуза, Б. Локвуда, Д. Ква, С. Вея, И. Фергюссона, К. Бергстена, Б. Вилльямса, Дж. Уоллея, Й. Фукунаги, И. Исоно, О. Кадо, Л. Инга, С. Хаманаки, Дж. Менона.

За последнее время широкое распространение получили оценки эффекта границ для анализа сравнительной интегрированности регионов страны с национальным и зарубежным рынками, основополагающие теоретические конструкции которого были заложены Дж. Андерсоном, Е. Ван-Винкупом, Дж. МакКаллумом, Ж. Сантос Силвой, С. Тенрейро, Й. Йотовым, Д. Агностевой, С. Байером, Д. Таглиони, К. Хидом, Т. Майером, М. Оливейрой, Р. Пьермартини.

Исследования эндогенных рисков функционирования современной экономики России отражены в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей: Е.Г. Ясина, А.Л. Кудрина, Е.Т. Гурвича, П.А. Минакира, В.М. Полтеровича, С.М. Гуриева, С.М. Дробышевского, М. Алексеева, Ш. Вебера, Л.М. Григорьева, С. Ледяевой, К. Кархунена, Н.А. Волчковой, А.А. Мовчана, М. Ван Игена, И. Гилла, И. Изворски, Д. Айкьюта, А. Санги, Г. Космидоу, Дж. Дамгаарда, Т. Елкджаера, Н. Йоханнсена, Н. Вандайка, А. Шлейфера и других.

Оценки эффектов интеграции российской экономики с глобальной и субглобальными экономиками, в том числе с некоторыми странами АТР представлены в исследованиях следующих авторов: С. Адоуры, Л. Де Соузы, Н.А. Турдыевой, Н.А. Волчковой, К.В. Юдаевой, А.В. Алексеева, А.Ю. Кнобеля, Б.В. Чокаева, Я.Д. Лисоволика, А.С. Каукина, Г.И. Идрисова. По регионам России оценки диверсификации экспорта были представлены в работах И.Л. Любимова, М.А. Гвоздевой, М.В. Казаковой, К.В. Нестеровой, С.М. Кадочникова, А.А. Федюниной. Оценки косвенных эффектов для российской стороны от «неучастия» в интеграционных процессах в АТР отражены в исследованиях П.А. Петри, М. Пламмера, Ф. Чжая, К. Кавасаки.

При изучении факторов и эффектов интеграции национальной экономики с рынками капитала выделяются исследования Б. Бхаллы, К. Гокменоглу, С. Надима, К. МакГована, М. Бургера, Е. Янчовичиной, Дж. Уолша, А. Назира, М. Топалы, Е. Городниченко. Для современной российской экономики, в том числе для ее регионов, факторы привлечения прямых иностранных инвестиций рассматривались в работах И.М. Драпкина, А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой, Г.И. Идрисова, Б.В. Таганова, А.А. Гладышевой, С. Ледяевой.

Возможности включения России в процесс интеграции со странами АТР связаны с развитием регионов Дальнего Востока. В процессе исследования закономерностей торгово-экономических взаимодействий регионов Дальнего Востока со странами АТР в диссертационном исследовании использованы методологические, методические и экспериментальные достижения научной школы Института экономических исследований ДВО РАН под руководством академика П.А. Минакира. Концептуальные положения о расширении торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР были сформулированы П.А. Минакиром, В.С. Немчиновым, Р. Скалапино. Проблематика торговых и инвестиционных взаимодействий регионов Дальнего Востока с зарубежными рынками, преимущественно со странами АТР, затрагивалась в исследованиях П.А. Минакира, Н.П. Рыжовой, К.И. Тошкова, И.В. Ясеновской, О.В. Кузнецовой, А.Г. Адмидина, Е.И. Деваевой. Влияние торговых потоков на результирующие экономические показатели макрорегиона рассматривалось в исследованиях Н.Н. Михеевой, Л.И. Власюк, А.В. Белоусовой. Общие вопросы расширения торгово-экономических взаимосвязей Дальнего Востока со странами АТР, в особенности с китайской экономикой, затрагивались в исследованиях П.А. Минакира, П.Я. Бакланова, Н.П. Рыжовой, В.Е. Кучерявенко, А.В. Островского, И.П. Глазыриной, С.В. Севастьянова, М.В. Александровой, А.Т. Габуева. Исследования результативности мер государственной политики, реализуемых для достижения целей ускоренного развития экономики Дальнего Востока России, проводились в работах П.А. Минакира, А.Н. Демьяненко, Е.Л. Мотрич, С.Н. Леонова, Н.П. Рыжовой.

Диссертационное исследование основывается на теории международной интеграции, новой теории торговли, а также на положениях институциональных исследований, дополняя их выводы.

Цель исследования заключается в оценке эффектов экономической интеграции России, а также потенциала торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР.

Достижение данной цели предполагало решение следующих задач:

– определить этапы, стадии и направления, а также систематизировать теоретические и методологические подходы к объяснению механизмов и оценке эффектов международной экономической интеграции;

– выявить особенности интеграционных процессов в АТР, сформулировать вызовы, сдерживающие сближение экономик в АТР, а также оценить эффекты экономической интеграции в субглобальной экономике;

– оценить эффекты торгово-экономической интеграции России с КНР, а также определить ограничения такого рода взаимодействий;

– оценить эффекты расширения торговой либерализации России с торговыми мегаформатами АТР, а также получить оценку косвенных эффектов для российской экономики от «неучастия» в торговых мегаформатах субглобальной экономики;

- проанализировать целевые ориентиры текущих мер государственной политики по реализации интеграционного потенциала Дальнего Востока России, выявить институциональные ограничения их реализации;
- оценить потенциал торговых взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР;
- оценить факторы взаимодействия экономики Дальнего Востока России с зарубежным рынком капитала, в том числе со странами АТР;
- определить и сравнить стратегии экономических взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР.

Предмет исследования – интеграционные процессы в мировой экономике на региональном уровне.

Объекты исследования – торгово-экономические взаимоотношения России и ее приграничного макрорегиона – Дальнего Востока со странами АТР.

Методологическая основа исследования. В диссертационной работе применялись общенаучные методы исследования (комплексный метод, системность, сравнение, обобщение, анализ и синтез, абстракция), методы экономических исследований (экономико-статистический анализ, эконометрические методы и т. д.). В исследовании использованы методологические подходы новой теории торговли и теории международной интеграции, концепции функционирования политических рынков и политэкономии торговой политики. Для количественных оценок эффектов и влияния различного рода факторов применялись структурная, гравитационная модели и модель частичного равновесия.

Информационная база исследования главным образом основывается на исследованиях российских и международных ведущих научно-исследовательских организаций, специализирующихся в изучении фундаментальных процессов, протекающих в глобальной и субглобальной экономиках, а также в российской экономике в целом и дальневосточной в частности, среди которых: Институт экономических исследований ДВО РАН, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Институт экономики РАН, Институт Дальнего Востока РАН, Экономический факультет МГУ им. Ломоносова, Российская экономическая школа, НИУ Высшая школа экономики, Московский центр Карнеги, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, Всемирная торговая организация (ВТО), Национальное бюро экономических исследований (NBER, США), Центр перспективных исследований и международной информации (CEPII, Франция), Институт международной экономики Петерсона (PIIE, США), Азиатский банк развития (ADB, Филиппины).

В диссертационной работе для получения количественных оценок использовались материалы международных, национальных и региональных статистических органов, которые позволили сформировать исходные массивы данных, на основе восстановленной, не противоречащей друг другу, системно представленной статистики. База данных для России основывалась на официальных данных Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) России, Федеральной

таможенной службы России и территориальных таможенных управлений, Центрального банка России, РА «Эксперт» и других источников информации. Для получения оценок по зарубежным экономикам были использованы международные и национальные базы данных: Организации объединенных наций (ООН), Всемирного банка, ВТО, МВФ, Организации экономического сотрудничества и развития, Центра перспективных исследований и международной информации, Государственного статистического комитета КНР, Таможенного управления КНР и других.

Обоснованность и достоверность результатов, выносимых на защиту, основывается на: применении современных концепций, теоретических подходов и методических рекомендаций формирования массивов данных и их использовании для получения количественных оценок; сравнении результатов, полученных в диссертационной работе, с оценками и выводами других исследователей; сопоставлении результатов диссертационной работы с оценками, полученными в рамках различных методических подходов.

В диссертационном исследовании получены следующие научные результаты:

1. Эмпирически подтверждено, что при общем положительном влиянии процессов глобализации на интеграционные процессы в АТР для стран, осуществляющих пролиферацию торговых соглашений, эффект от регионализации превалировал в долгосрочном периоде над эффектом от глобализации, объясняя проявление экономического эффекта домино в АТР.

2. На основе оценки эффекта границ выявлено наличие монополии для российских экспортеров на рынке Китая, доказано, что условием для увеличения поставок российских товаров на китайский рынок и формирования положительных эффектов от создания зоны свободной торговли между странами является нивелирование торговых барьеров на региональном уровне в КНР.

3. Доказано, что в случае неучастия России в интеграционных проектах в АТР возрастает риск дедиверсификации российского экспорта. Измерено соотношение выигрышей и потерь для экономики России при создании зоны свободной торговли с торговыми мегаформатами АТР. Разработан сценарий создания зоны свободной торговли России с группами стран, входящими в мегаформаты АТР.

4. Обосновано, что расширение торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР возможно только в случае совмещения институциональных режимов. На основе декомпозиционной оценки эффекта границ определен диапазон потенциального увеличения торговли Дальнего Востока России со странами АТР.

5. Показано, что увеличение интеграционных взаимодействий Дальнего Востока России с рынком капитала АТР возможно в случае улучшения инвестиционного климата в национальной экономике в целом за счет снижения региональных эндогенных рисков, создания экономических стимулов для обновления основных фондов и повышения прибыльности предприятий, стимулирования инновационной деятельности и конкуренции.

6. Выполнена оценка возможностей и рисков интенсификации внешнеэкономических связей Дальнего Востока в зависимости от реализации стратегий «участия» и «неучастия» России в интеграционных процессах со странами АТР. Доказано, что стратегия «неучастия» России в интеграционных проектах в АТР конфликтует со стратегией развития экономики Дальнего Востока, основанной на ее открытости.

Научная новизна результатов определяется:

- декомпозиционными оценками эффектов интеграции в АТР с точки зрения разграничения влияния процессов глобализации и регионализации;
- разработкой сценариев «участия» и «неучастия» российской стороны в интеграционных процессах со странами АТР на основе оценок торгово-экономических эффектов;
- выявлением ограничений в текущих способах государственной политики России расширения торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР;
- оценкой потенциальных значений расширения торговых взаимодействий Дальнего Востока при интеграции России со странами АТР и оценкой факторов раскрытия интеграционного потенциала макрорегиона с глобальным и субглобальным рынками капитала.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что ее выводы могут быть использованы для определения закономерностей расширения торгово-экономических взаимодействий, позволяя обосновать необходимость проведения политики экономической интеграции с крупными и близкими рынками для получения положительных эффектов национальной экономикой. Используемые в диссертационной работе методики позволяют получить более точные оценки последствий торгово-экономической интеграции между странами АТР, между Россией и странами АТР для национального и регионального уровней, учитывая различные факторы, в том числе институциональные. На основе вариантов сравнительной целесообразности заключения торговых соглашений с мегаформатами и отдельными странами АТР предложенная в диссертационной работе методика учета возможностей и ограничений, связанных с нивелированием торгово-экономических барьеров России со странами АТР, позволяет выявить направления корректировки текущей российской внешнеэкономической политики. Особое значение полученные выводы могут иметь для разработки мер, способствующих трансформации региональной политики России с точки зрения интенсификации торгово-экономических связей с зарубежными странами, а также для корректировки существующих инструментов государственной политики Дальнего Востока в части определения потенциала и факторов расширения его торгово-экономических взаимодействий с ключевыми экономиками АТР. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в учебном процессе при преподавании теории внешне-торговой политики, в рамках разделов науки о международных отношениях, охватывающих экономические аспекты проблем международных взаимодействий. Оценки и сформулированные на их основе выводы могут представлять интерес для специалистов в области мировой экономики и международных отношений, региональной и институциональной экономики для преподавания и изучения соответствующих дисциплин.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования представлялись на зарубежных конференциях, семинарах и круглых столах, среди них: Тридцатый российско-японский научный симпозиум ученых ДВО РАН и района Кансай (Осакский университет экономики и права) (Япония, г. Осака, 2014 г.); Международная научная конференция «Сотрудничество между Дальним Востоком РФ и Северо-Востоком КНР: возможности

и вызовы» (КНР, г. Харбин, 2012 г.); ARTNeT (UN ESCAP) Workshop: «Emerging Trade Issues in Asia and the Pacific: Meeting Modern Policy Challenges» (Таиланд, г. Бангкок, 2012 г.); 6th KIEP–ERI Seminar «Korea-Russia Economic Dialogue toward Economic Integration in Northeast Asia» (Республика Корея, г. Сеул, 2011 г.); Third International Forum on Northeast Asia Regional Cooperation and Development (КНР, г. Харбин, 2010 г.); 4th KIEP–ERI Seminar «Korea and Russian Far East: Changing Circumstances and Chances for Economic Cooperation» (Республика Корея, г. Сеул, 2009 г.).

Научные результаты диссертационного исследования также были представлены на международных, всероссийских и региональных конференциях, семинарах и круглых столах, проведенных в России: в Институте экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, 2004–2019 гг.); в Дальневосточном институте управления РАНХиГС (г. Хабаровск, 2005–2007 гг., 2018–2019 гг.); на «25-ом российско-японском симпозиуме ученых Дальнего Востока и района Кансай, Япония» (г. Хабаровск, 2009 г.); на Первом Российском экономическом конгрессе (г. Москва, 2009 г.); на «29-ом российско-японском симпозиуме ученых Дальнего Востока и района Кансай, Япония» (г. Хабаровск, 2013 г.); на Втором Российском экономическом конгрессе (г. Суздаль, 2013 г.); на Экономическом форуме стран Северо-Восточной Азии (г. Владивосток, 2013 г.); на Осенней конференции молодых ученых в новосибирском академгородке (г. Новосибирск, 2013–2014 гг.); на Пятой международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (гг. Благовещенск – Хэйхэ – Харбин, 2015 г.); 11th KIEP–ERI Joint International Seminar «Changes in the Global and Domestic Economic Conditions and Future of Development of the Far East» (г. Биробиджан, 2016 г.); на Третьем Российском экономическом конгрессе (г. Москва, 2016 г.); на IX Международном научно-практическом Форуме «Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта» (г. Москва, 2017 г.); 13th KIEP–ERI Joint International Seminar «Searching for Common Ground of Korea's New Northern Economic Policy and Russia's Far East Development Policy in the Changing Geopolitical Environment of the Korean Peninsula and Northeast Asia» (г. Хабаровск, 2018 г.); на Международной научной конференции «FarEastCon» ДВФУ (г. Владивосток, 2018–2019 гг.); на Международной научной конференции «Современные вызовы и будущие контуры валютной системы, монетарной политики и финансовой архитектуры Европы и России» (РУДН) (г. Москва, 2019 г.); на XX–XXII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (НИУ ВШЭ) (г. Москва, 2019–2021 гг.) и других.

Публикации по теме исследования. Соискателем опубликовано по теме диссертационного исследования лично и в соавторстве 38 работ, из них: одна авторская монография, 35 статей в рецензируемых научных журналах в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России, из которых 9 научных статей входят в международные базы цитирования Web of Science и Scopus.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, семи глав, заключения, библиографического списка литературы, трех приложений. Основной текст изложен на 224 страницах, включает 38 таблиц и 22 рисунка. Библиографический список литературы состоит из 431 источника, в том числе 296 на иностранном языке.

Содержание работы

Введение

Глава 1. Проблемы теории и методологии исследования международной экономической интеграции

1.1. Этапы, стадии и направления международной экономической интеграции в условиях процессов глобализации и регионализации

1.2. Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методики оценки эффектов

Глава 2. Направления и эффекты экономической интеграции в АТР

2.1. Экономическая интеграция в АТР в условиях процессов глобализации и регионализации

2.2. Эффекты торгово-экономической интеграции в АТР: влияние процессов глобализации и регионализации

2.3. Торговые мегаформаты в АТР: структурные соотношения, динамические проявления и перспективы сближения

Глава 3. Торгово-экономическая интеграция России со странами АТР

3.1. Закономерности и особенности интеграции экономики России с зарубежными странами

3.2. Динамика торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР

3.3. Проблема интеграции российской экономики со странами АТР

3.4. Торгово-экономическое сотрудничество России с КНР: особенности, риски и возможные эффекты интеграции

Глава 4. Эффекты интеграции России с торговыми мегаформатами АТР

4.1. Динамика торговли России с мегаформатами АТР

4.2. Оценка эффектов интеграции России с торговыми мегаформатами АТР

4.3. Косвенные эффекты для России от создания торговых мегаформатов АТР

Глава 5. Региональный аспект экономической интеграции: Дальний Восток России

5.1. Дальний Восток России как оператор расширения торгово-экономических взаимодействий российской экономики со странами АТР

5.2. Тенденции торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР

5.2.1. Торговые взаимодействия

5.2.2. Инвестиционные взаимодействия

5.3. Потенциал институциональных модернизаций на Дальнем Востоке как инструмента активизации международных взаимодействий

Глава 6. Потенциалы внешних торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России

6.1. Интеграционный потенциал торговых взаимодействий Дальнего Востока России со странами АТР

6.2. Сравнительный потенциал торговых взаимодействий дальневосточных субъектов Российской Федерации со странами АТР

6.3. Оценка потенциала инвестиционных взаимодействий Дальнего Востока с зарубежными странами

Глава 7. Сравнение стратегий внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР

7.1. Риски изоляционизма для России и Дальнего Востока

7.2. Интеграция со странами АТР: преимущества и вызовы для национальной и дальневосточной экономики

Заключение

Список литературы

Приложения

II. СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы диссертационного исследования, рассматривается степень изученности проблемы, формулируются цель и задачи, предмет и объект исследования, отмечаются теоретические, методологические, информационные основания диссертации, перечисляются существенные результаты работы, их научная новизна и практическая значимость, показывается уровень апробации работы.

В первой главе показаны этапы, стадии и направления международной экономической интеграции в условиях процессов глобализации и регионализации, систематизированы теоретические модели, описывающие механизмы протекания интеграционного процесса, классифицированы разновидности эффектов торгово-экономической интеграции и указаны методологические проблемы в исследовании международной экономической интеграции.

С точки зрения географии распространения международная экономическая интеграция имеет глобальное, субглобальное и межстрановое измерения. Интеграция реализуется на основе двух- и многосторонних соглашений между странами / группами стран. Снижения барьеров торгово-экономических взаимодействий между странами в процессе создания двух- и многосторонних торговых форматов получили названия билатерализма и мультилатерализма соответственно¹. В масштабах мировой экономики интеграционный процесс определяется как глобализация; между группой стран в рамках субглобальной экономики – регионализация; между двумя странами – двусторонняя интеграция.

Создание ВТО в 1995 г. на основе Генерального соглашения по тарифам и торговле расширило принципы торговых взаимодействий на многие виды экономической деятельности, а также распространило процесс торговой либерализации на подавляющее большинство стран мира, что позволяет идентифицировать ВТО как глобальный интеграционный формат.

С точки зрения масштаба снижения тех или иных барьеров между странами / группами стран интеграция может быть как «поверхностной», так и «глубокой». В рамках как двусторонней интеграции, так и регионализации с точки зрения действия сторон по снижению барьеров экономических взаимодействий выделяются этапы интеграционного процесса, формирующие «лестницу интеграции» между странами / группами стран. Частичные по охвату торговые соглашения (ЧТС)², зоны свободной торговли (ЗСТ)³ и таможенные союзы (ТС)⁴ являются первона-

¹ Процесс проявления билатерализма и мультилатерализма в рамках той или иной субглобальной экономики определяется как «регионализм».

² Сокращение барьеров распространяется на некоторые товарные группы.

³ Подразумевает сокращение тарифных мер и части нетарифных ограничений, а также право на определение режима торговли по отношению к третьим странам.

⁴ Страны-участницы вводят единый таможенный тариф и единую систему регулирования нетарифных мер в отношении третьих стран.

чальными этапами экономической интеграции. Более зрелыми форматами интеграции являются общий рынок, экономический и полный экономический союзы, которые предполагают сравнительно свободное перемещение капитала и трудовых ресурсов, координацию экономической политики, унификацию институциональных норм и появление надгосударственных органов.

Выделяются две стадии процесса «регионализма». «Ранний регионализм» (конец 1950-х – начало 1980-х гг.) предполагал расширение интеграции при основополагающей роли политических мотивов и последовательную передачу на наднациональный уровень функций экономического регулирования в рамках «лестницы интеграции», а также создание закрытых торговых блоков при выстраивании барьеров с третьими странами. В условиях «современного регионализма» (конец 1980-х гг. – по настоящее время) основной движущей силой интеграции стали выступать экономические мотивы, что связано со значительным увеличением масштабов внутрифирменной торговли транснациональных корпораций (ТНК), потребовавшей снижения барьеров привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в результате чего различные этапы производства конечного продукта стали выполняться в разных странах.

В современных условиях интеграционные процессы стали осуществляться в рамках «нелинейной» модели, предполагающей отсутствие заданной интеграционной последовательности по «лестнице интеграции», формирование смешанных интеграционных форм и отказ от достижения максимально возможного уровня интеграции¹. Процессы глобализации и регионализации стали существенно дополнять друг друга, поскольку механизмы ВТО стали иметь ключевое значение для сохранения уже достигнутого уровня торгово-экономической либерализации и урегулирования торговых споров. Процесс регионализации стал условием для расширения товарообмена в мире, в том числе благодаря созданию открытых торговых блоков, тем самым дополняя функции ВТО и значительно увеличивая издержки конфликтов между странами. По мере приближения к пределу в сокращении тарифных барьеров в торговле очевидным способом расширения экономических взаимосвязей является снижение нетарифных барьеров и дальнейшая гармонизация внутренней экономической политики². Ряд реализующихся соглашений стал рассматриваться как основа для создания торговых мегаформатов, что, в свою очередь, повышает риски фрагментации глобальной экономики, а также исключения некоторых экономик из процессов гармонизации торговли в той или иной субглобальной экономике. В конце 2010-х гг. стали наблюдаться процессы дезинтеграции в связи с наращиванием барьеров рядом ключевых экономик мира.

Необходимым компонентом теоретического анализа международной экономической интеграции является изучение механизмов функционирования интеграционного процесса. Мотивы интеграции преимущественно эндогенны, имея

¹ Поскольку большинство стран не смогло преодолеть первоначальные этапы «лестницы интеграции», функциональная составляющая заключаемых ЗСТ (наиболее распространенного формата интеграции) стала расширяться за счет охвата других сфер экономических взаимодействий (либерализация торговли услугами и обмена факторами производства), способствуя появлению ЗСТ в расширенном формате (ЗСТ+).

² Отсутствие прогресса в рамках Дохийского раунда ВТО в 2001 г. мотивировало страны к заключению двух- и многосторонних торговых соглашений: к 2018 г. в мире функционировало 19 ЧТС, 250 ЗСТ и 17 ТС, из которых в расширенном формате – 1, 143 и 5 соответственно.

в своей основе, помимо экономических мотивов субъектов рынка, политические и институциональные ограничения, что объясняется концепциями функционирования политических рынков. В национальных экономиках эндогенный спрос на внешнеэкономическую политику, одним из направлений которой является интеграция, задается со стороны групп лоббирования через механизмы политических институтов. Наличие или отсутствие эндогенного спроса на интеграцию влияет на выбор национальными правительствами стратегий взаимодействия с третьими странами, которые снижают торгово-экономические барьеры друг с другом. Данные стратегии могут быть сведены к «борьбе», которая связана с отстаиванием национальной экономикой суверенных прав на создание барьеров в торгово-экономических взаимодействиях с другими странами, или к «адаптации», предполагающей снижение барьеров национальной экономикой для последующего заключения торгового соглашения с другими странами. Другим аспектом является механизм последовательности в заключении торговых соглашений – изменение экономической политики стран способствует возникновению новых форм интеграции, объясняя кумулятивное нарастание либерализации торговли.

Важным аспектом политэкономии торговой политики являются механизмы взаимных соглашений между сторонами для расширения свободной торговли, которые основываются на двух мотивах подписания правительствами торговых соглашений. Во-первых, торговые соглашения могут помочь правительствам избежать негативных последствий «дилеммы заключенного» (prisoner's dilemma)¹, которая, в свою очередь, определяется внешними эффектами торговой политики. Во-вторых, торговые соглашения могут помочь правительству ограничить влияние внутренней группы лоббирования, согласно теории «внутренних обязательств» (domestic commitment theory). Желание избежать негативного исхода в рамках «дилеммы заключенного» объясняется массовым заключением торговых соглашений в мире, которое проявляется в эффекте домино².

Заключение большого количества торговых соглашений привело к возникновению эффекта «чаши спагетти»³. Одним из наиболее очевидных способов преодоления негативного влияния эффекта «чаши спагетти» на торговлю является гармонизация торговых соглашений с точки зрения их объединения в торговые мегаформаты, которые могут создаваться в рамках механизмов «консолидации» (consolidation)⁴ либо «расширения» (expansion)⁵.

Интеграционный процесс в современных условиях зависит не столько от снижения тарифных барьеров, сколько от нивелирования институциональных различий, что означает необходимость сближения внутренних мер регулирования между осуществляющими интеграцию странами. Поэтому институциональные и структурные особенности стран формируют мотивацию к интеграции у экономи-

¹ В данном контексте подразумевается, что каждая страна выиграет от ограничения своей свободы выбора в том случае, если на такие же условия согласится страна-партнер по переговорам.

² Расширение двух- или многосторонних торговых соглашений за счет новых стран-членов с целью нивелирования негативных последствий от «неучастия» в объединении.

³ Негативное влияние на расширение торгово-экономических взаимосвязей большого числа заключенных торговых соглашений ввиду сложности согласований между ними.

⁴ Предполагает: заключение двусторонних соглашений между группой заинтересованных стран; их гармонизацию; заключение единого многостороннего соглашения.

⁵ Предполагает присоединение новых стран-членов к многостороннему соглашению при отсутствии заключенных ранее соглашений со странами интеграционного объединения.

ческих и политических субъектов. Важное влияние институтов на сравнительные преимущества стран состоит в их влиянии на ключевые аспекты функционирования национальных экономик¹. Также механизм интеграции объясняется на основе межотраслевых взаимодействий между экономиками. Ключевым механизмом интеграции между странами в рамках моделей внутрифирменной торговли являются вертикальные производственные связи, функционирующие на основе промежуточных импортных товаров для выпуска экспортных товаров конечного спроса.

Для оценки последствий интеграции выделяют распределительные и кумулятивные эффекты. В качестве основных распределительных эффектов, проявляющихся непосредственно после создания интеграционного объединения, выделяют эффект создания² и эффект отклонения³ торговли, которые оцениваются преимущественно в рамках модели частичного равновесия. Результативность интеграции возникает при доминировании эффекта создания над эффектом отклонения торговли, т. е. страны получают общий выигрыш, определяемый эффектом благосостояния за счет роста потребления на отечественном рынке в результате снижения цен на импорт. На основе распределительных эффектов оцениваются необходимые экономические условия для создания интеграционного объединения между странами.

Кумулятивные эффекты проявляются в долгосрочном влиянии интеграции на экономики стран-участниц, охватывая технологические изменения, рост производительности, изменение структуры рынков, учитывая возрастание конкуренции между импортерами и отечественными производителями, влияние на риски и ожидания, а также на инвестиционную активность и другие аспекты. Важное значение для стран, осуществляющих интеграцию, имеет эффект от масштаба, который проявляется в условиях крупного рынка, позволяя фирмам снижать издержки за счет роста числа потребителей. Кумулятивные эффекты интеграции также могут проявляться в трансформации внутренних правил регулирования национальных экономик. Другим аспектом кумулятивных эффектов интеграции являются их пространственные проявления, механизм которых отражается в том числе в моделях новой экономической географии. Современные гравитационные зависимости позволяют оценить кумулятивные эффекты интеграции (ex-post), а также определить потенциальные значения расширения торговли в случае нивелирования барьеров на основе эффекта границ⁴.

Во второй главе проанализированы этапы и направления экономической интеграции в АТР, осуществлена декомпозиционная оценка долгосрочных эффек-

¹ Наиболее очевидным механизмом влияния специфики экспорта на институциональное развитие страны являются особенности развития стран с высокой природной рентой в экономике, в которых, при прочих равных условиях, наблюдается: упрощение экономической структуры; увеличение доли государственного сектора; создание барьеров для импорта и нарастание изоляции.

² Отражает переориентацию потребителей с менее эффективного отечественного источника поставки товара на экономически целесообразный импорт той страны или объединения стран, который становится дешевле в результате снижения торговых барьеров. В итоге масштабы торговых взаимодействий возрастают, а страна получает чистый экономический выигрыш.

³ Означает переориентацию с приобретения определенного ряда товаров на мировом рынке на приобретение продукции из страны, с которой заключается торговое соглашение. В результате национальная экономика теряет доходы от обложения пошлинами более дешевого импорта из третьих стран, что приводит к чистым экономическим потерям.

⁴ Представляет собой совокупность торгово-экономических издержек, возникающих вследствие пересечения товаром какой-либо границы или барьеров, сдерживающих торговые потоки при преодолении границы. Увеличение эффекта границ между экономиками означает увеличение барьеров между ними.

тов торгово-экономической интеграции в субглобальной экономике, рассмотрены предпосылки появления торговых мегаформатов в АТР, проведено сравнение между ними по основным торгово-экономическим показателям, определены перспективы их сближения, а также вызовы, препятствующие интеграции экономик в АТР.

Интеграционные процессы, способствующие торговой либерализации в глобальной экономике, наиболее отчетливо проявились в АТР. Рост торговли и производства в АТР стал достигаться благодаря созданию сборочных производств на основе ПИИ в развивающихся странах с избыточной рабочей силой, увеличению отдачи от масштаба производства в условиях снижения издержек и нивелирования барьеров для внутрифирменной торговли. В результате расширения масштабов торговли наблюдался переход от традиционных к современным технологиям в развивающихся странах АТР, а транспортные расходы снизились настолько, что субглобальный рынок стал достаточно взаимосвязанным. Заметные результаты расширения торговли между странами АТР были бы невозможны без значительного снижения различного рода барьеров в связи с процессами глобализации и регионализации.

До 1990-х гг. политические мотивы в интеграции в АТР превалировали над экономическими. В 1990-е гг. в АТР активно заключались как двухсторонние, так и многосторонние¹ торговые соглашения. В период «современного регионализма» интеграционное «ядро» в АТР ограничилось рядом стран Восточной Азии и Северной Америки в рамках производственной кооперации, а разработка многосторонних торговых соглашений осуществлялась на основе экономических мотивов и «консолидации». В 2000-е гг. практически все страны АТР² присоединились к ВТО. Далее стали создаваться предпосылки для формирования торговых мегаформатов в АТР: подписано создание Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства в формате ЗСТ+³; осуществлялись попытки интегрировать экономики стран Центральной и Южной Америки в рынок НАФТА; происходило сближение стран АСЕАН с Большой тройкой Северо-Восточной Азии (СВА) – Китаем, Японией и Республикой Корея (формат ЗСТ АСЕАН+3) и другими ключевыми партнерами объединения – Индией, Новой Зеландией и Австралией (формат ЗСТ АСЕАН+6). При тенденции увеличения доли торговли между странами АТР дальнейшее расширение количества стран-участниц, заключивших ЗСТ и ЗСТ+ в АТР, создало условия для возникновения эффектов домино и «чаши спагетти».

В первой половине 2010-х гг. наблюдалась активизация роли США в формировании нового торгового мегаформата – ТТП на основе Транстихоокеанского стратегического экономического партнерства. Параллельно с этим проходили переговоры о заключении ВРЭП, предполагающего снижение торгово-экономических барьеров в рамках ЗСТ АСЕАН+6. В результате ко второй половине 2010-х гг. в АТР было сконцентрировано почти 70% функционирующих в мире ЗСТ+⁴, способствуя тому, что к 2018 г. средневзвешенная импортная пошлина стран АТР снизилась почти в три раза по сравнению с началом 1990-х гг. Данные процессы

¹ Между США, Канадой и Мексикой (Североамериканское соглашение о свободной торговле – НАФТА) и большинством стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) в рамках Ассоциации государств ЮВА – АСЕАН.

² За исключением некоторых малых островных государств, КНДР и России, которая стала полноправным членом ВТО только в 2012 г

³ Новая Зеландия, Сингапур, Чили и Бруней.

⁴ К 2018 г. в АТР функционировало 114 торговых соглашений: 9 ЧТС, 103 ЗСТ и 2 ТС, из которых в расширенном формате – 1, 95 и 0 соответственно.

способствовали расширению торговли стран АТР как между собой, так и с остальными странами. К 2018 г. на торговлю между странами АТР приходилось почти 70% их суммарного товарооборота. Главным генератором роста торговли между странами АТР стала китайская экономика, на которую к середине 2010-х гг. приходилось до четверти товарооборота внутри АТР. Также экономика АТР стала главным аккумулятором и транслятором ПИИ в мире¹.

Прямое включение экономик в производственную кооперацию в АТР является не единственной движущей силой интеграционных процессов в субглобальной экономике. По причине специфики структуры экономики, отсутствия избыточных трудовых ресурсов и технологий, а также по политическим причинам ряд стран АТР находится либо вне существующей производственной кооперации, либо участвуют в ней в роли поставщика сырьевых товаров. Странами, не участвующими в производственной кооперации в АТР, эндогенный спрос на снижение барьеров во взаимодействиях главным образом формируется мотивами последующих расширения и диверсификации их экспортных потоков.

Поскольку подавляющее число стран АТР являются членами ВТО, а подписанные ими торговые соглашения могут по-разному влиять на торговые взаимодействия, было выяснено, каким образом соотносится влияние на торговлю в субглобальной экономике процессов глобализации и регионализации на основе оценки эффектов торгово-экономической интеграции.

Полученные в диссертационном исследовании оценки гравитационных зависимостей для 1994–2018 гг. позволили идентифицировать несколько основных эффектов торговой интеграции в динамике (ex-post эффекты) в АТР.

Во-первых, *прямой эффект от торговых соглашений*, который отражает влияние соглашений на изменение торговли в среднем за период. Для оценки прямого эффекта в рамках эффекта от регионализации зависимость имеет следующий вид:

$$X_{ij,t} = \exp \left[\beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} \right] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}, \quad (1)$$

где: X_{ij} – товаропоток из страны i в страну j ; фиктивные переменные: FTA_{ij} – для торгового соглашения между странами i и j , $INTL(T)_{ij}$ – для международной торговли каждого года T^2 ; фиксированные эффекты: π_i – для страны-экспортера с учетом года, χ_j – для страны-импортера с учетом года, μ_{ij} – для пар торгующих стран; ε_{ij} – случайная ошибка; t – временной промежуток; β_1 – прямой эффект от торговых соглашений в рамках процесса регионализации.

Во-вторых, *накопленный эффект от торговых соглашений*, отражающий кумулятивный интеграционный эффект, учитывая косвенное влияние заключенных «в прошлом» соглашений на итоговые значения торговли. Для оценки данного эффекта в рамках эффекта от регионализации использовалась зависимость:

$$X_{ij,t} = \exp \left[\beta_0 + \sum_{n=1}^{n=3} \beta_1 FTA_{ij,t-(1-n)} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} \right] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}, \quad (2)$$

где: n – количество лагов; β_1 – накопленный эффект от торговых соглашений в рамках процесса регионализации.

¹ За исключением нескольких эпизодов, с середины 1980-х гг. по 2018 г. доля стран АТР составляла в среднем 55–60% от общемирового объема как исходящих, так и входящих ПИИ.

² По причине корреляции с другими фиксированными эффектами при оценке параметра $INTL(T)$ выбирается какой-либо год в качестве эталонного показателя.

В третьих, *эффект от пролиферации торговых соглашений*, идентифицируемый для случая реализации странами стратегии расширения количества торговых соглашений. Оценка эффекта от пролиферации торговых соглашений для случая эффекта от регионализации осуществлялась следующим образом:

$$X_{ij,t} = \exp \left[\beta_0 + \beta_1 FTA_{ij,t} + \beta_2 FTA_{i,-j,t}^{out} + \beta_3 FTA_{-i,j,t}^{out} + \sum_{T=1}^{T=n} \beta_T INTL(T)_{ij} \right] \times \left[\pi_{i,t} + \chi_{j,t} + \mu_{ij} \right] \times \exp^{\varepsilon_{ij,t}}, \quad (3)$$

где $FTA_{i,-j}^{out}$ и $FTA_{-i,j}^{out}$ – фиктивные переменные. В первом случае – если страна-экспортер i заключила торговое соглашение с любой страной – торговым партнером в АТР помимо страны j ; во втором случае – если страна-импортер j заключила торговое соглашение с любой страной АТР помимо i . β_2 и β_3 – эффекты от пролиферации торговых соглашений в рамках процесса регионализации для стран-экспортеров и стран-импортеров соответственно.

Для получения *общего эффекта интеграции*, в котором суммируются эффекты глобализации и регионализации, из зависимостей исключается переменная $INTL(T)_{ij}$ ¹. В результате, отталкиваясь от приведенных к сопоставимому виду значений эффектов, вычитание из общего эффекта от интеграции эффекта от регионализации позволило оценить *эффект от глобализации*. Поскольку АТР состоит из различных экономик, их долгосрочная реакция на интеграционные процессы может быть дифференцированной. Поэтому для целей сравнения эффектов от интеграции, помимо рассмотрения АТР в целом, диссертантом была осуществлена сегрегация субглобальной экономики выделением двух макрзон – Западной² и Восточной³ (табл. 1).

Оценки перечисленных эффектов (табл. 1) были декомпозированы на две компоненты: эффект от глобализации (вклад процесса глобализации) и эффект от регионализации (вклад процесса регионализации) (табл. 2).

Расчеты показали, что прямой эффект от торговых соглашений как в АТР в целом, так и в его макрзонах генерировался преимущественно процессом глобализации. Это указывает на то, что глобальный формат интеграции являлся основным элементом для снижения барьеров в торговле и ее активизации в долгосрочном периоде, способствуя положительному проявлению регионализации в АТР, нивелируя негативные эффекты закрытых торговых блоков.

Полученная в диссертации оценка накопленных эффектов от торговых соглашений указала на большой вклад процесса глобализации в наращивание торговли в АТР, особенно для Восточной макрзоны. С точки зрения вклада процесса регионализации, заключенные в прошлом торговые соглашения способствовали увеличению торговли для АТР в целом и для Западной макрзоны в частности.

Принципиальным моментом, по всей видимости, является качество заключенных торговых соглашений, которое определяет масштаб накопленных эффектов торговой интеграции – в рамках Восточной макрзоны положительные эффекты от глобализации компенсировали в целом неоднозначное влияние эффектов от регионализации, что может быть связано с кризисными явлениями в интеграционных проектах, в основе которых лежали политические мотивы.

¹ Соответствующие значения β в данном случае отражают общий эффект интеграции.

² Страны и экономики Восточной Азии, а также Австралия и страны Океании.

³ Страны тихоокеанского побережья Северной, Центральной и Южной Америки.

Таблица 1. Результаты оценки эффектов от заключения торговых соглашений

Показатель	Прямой эффект от торговых соглашений			Накопленный эффект от торговых соглашений			Эффект от пролиферации торговых соглашений для стран-экспортеров			Эффект от пролиферации торговых соглашений для стран-импортеров		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
	Эффект от регионализации											
<i>FTA</i>	0,11** (0,04)	0,09** (0,04)	0,08*** (0,05)	-	-	-	0,08** (0,04)	0,11** (0,05)	0,07 (0,05)	0,08** (0,04)	0,11** (0,04)	0,07 (0,05)
<i>FTA(sumul)</i>	-	-	-	0,13** (0,06)	0,12** (0,06)	-0,05 (0,07)	-	-	-	-	-	-
<i>FTA(exp)/ FTA(imp)</i>	-	-	-	-	-	-	0,32* (0,07)	0,30* (0,06)	0,30** (0,14)	0,32* (0,06)	0,23* (0,06)	0,32** (0,13)
<i>INTL₁₉₉₄</i>	-0,36* (0,06)	-0,43* (0,07)	-0,45* (0,03)	-0,34* (0,07)	-0,42* (0,07)	-0,59* (0,06)	-0,24* (0,06)	-0,21* (0,08)	-0,45* (0,03)	-0,23* (0,06)	-0,26* (0,08)	-0,45* (0,03)
<i>INTL₁₉₉₈</i>	-0,33* (0,06)	-0,47* (0,07)	-0,32* (0,03)	-0,32* (0,06)	-0,45* (0,07)	-0,41* (0,05)	-0,22* (0,05)	-0,25* (0,07)	-0,32* (0,03)	-0,22* (0,05)	-0,30* (0,07)	-0,32* (0,03)
<i>INTL₂₀₀₂</i>	-0,27* (0,05)	-0,32* (0,06)	-0,20* (0,03)	-0,26* (0,05)	-0,31* (0,06)	-0,21* (0,03)	-0,15* (0,05)	-0,11 (0,07)	-0,20* (0,03)	-0,15* (0,05)	-0,16** (0,07)	-0,20* (0,03)
<i>INTL₂₀₀₆</i>	-0,12* (0,03)	-0,09** (0,04)	-0,15* (0,03)	-0,12* (0,03)	-0,08*** (0,05)	-0,16* (0,03)	-0,10* (0,03)	-0,04 (0,04)	-0,15* (0,03)	-0,10* (0,03)	-0,05 (0,04)	-0,15* (0,03)
<i>INTL₂₀₁₀</i>	-0,08** (0,03)	-0,05 (0,04)	-0,10* (0,03)	-0,07** (0,03)	-0,04 (0,04)	-0,11* (0,03)	-0,07** (0,03)	-0,01 (0,04)	-0,10* (0,03)	-0,07** (0,03)	-0,02 (0,04)	-0,10* (0,03)
<i>INTL₂₀₁₄</i>	-0,004 (0,03)	0,05 (0,04)	-0,05*** (0,03)	-0,002 (0,03)	0,06 (0,04)	-0,05** (0,03)	-0,01 (0,03)	0,06*** (0,04)	-0,05*** (0,03)	-0,01 (0,03)	0,06*** (0,04)	-0,05*** (0,03)
Константа	-9,13* (0,44)	-2,52* (0,72)	2,82* (0,31)	-1,34* (0,41)	7,11* (0,18)	-2,42* (0,32)	-0,97** (0,38)	-5,36* (0,33)	-0,84* (0,29)	-4,81* (0,60)	-13,54* (0,36)	-0,86* (0,29)
<i>Pseudo R²</i>	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99
Общий эффект от интеграции												
<i>FTA</i>	0,25* (0,04)	0,28* (0,04)	0,26* (0,05)	-	-	-	0,13* (0,04)	0,15* (0,04)	0,25* (0,05)	0,13* (0,04)	0,16* (0,04)	0,25* (0,05)
<i>FTA(sumul)</i>	-	-	-	0,36* (0,04)	0,37* (0,05)	0,45* (0,05)	-	-	-	-	-	-
<i>FTA(exp)/ FTA(imp)</i>	-	-	-	-	-	-	0,51* (0,06)	0,48* (0,05)	0,65* (0,14)	0,50* (0,06)	0,44* (0,05)	0,66* (0,13)
Константа	-8,38* (0,46)	-3,50* (0,34)	-1,21* (0,20)	-11,08* (0,71)	-10,91* (0,56)	5,08* (0,11)	-2,04* (0,36)	-3,33* (0,42)	2,33* (0,29)	-5,71* (0,67)	-13,83* (0,37)	8,24* (0,21)
<i>Pseudo R²</i>	0,98	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99

Примечания. * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,10$. 1 – АТР в целом, 2 – Западная макрореона АТР, 3 – Восточная макрореона АТР. В скобках указаны значения стандартных ошибок. $FTA(exp)$ и $FTA(imp)$ соответствуют параметрам $FTA_{i,j,t}^{out}$ и $FTA_{i,j,t}^{in}$, $FTA(sumul) = \sum_{n=3}^{n=3} FTA_{i,j,t-(1-n)}$. 2018 г. – базовый для переменной *INTL*. Здесь и далее оценки полученных фиксированных эффектов не приводятся для лаконичности изложения.

Источник: расчеты автора.

Таблица 2. Декомпозиция эффектов торговой интеграции в АТР

Декомпозиция эффектов интеграции	АТР / макрizona АТР	Эффекты заключения торговых соглашений							
		Прямой эффект от торговых соглашений		Накопленный эффект от торговых соглашений		Эффект от пролиферации торговых соглашений			
						для стран-экспортеров		для стран-импортеров	
		1	2	1	2	1	2	1	2
Общий эффект от интеграции	АТР в целом	28,3 [100,0]	-6,0	43,5 [100,0]	-8,6	65,8 [100,0]	-11,9	65,4 [100,0]	-11,8
	Западная макрizona	32,3 [100,0]	-6,8	44,1 [100,0]	-8,7	61,4 [100,0]	-11,3	55,1 [100,0]	-10,4
	Восточная макрizona	30,3 [100,0]	-6,4	57,4 [100,0]	-10,7	92,1 [100,0]	-15,1	94,0 [100,0]	-15,3
в том числе:									
эффект от регионализации	АТР в целом	11,1 [39,1]	-2,6	14,22 [32,7]	-3,3	38,1 [57,9]	-7,8	37,61 [57,5]	-7,7
	Западная макрizona	9,9 [30,6]	-2,3	12,6 [28,6]	-2,9	35,5 [57,8]	-7,3	26,2 [47,4]	-5,6
	Восточная макрizona	8,4 [27,6]	-2,0	-	-	35,0 [38,0]	-7,2	38,1 [40,6]	-7,8
эффект от глобализации	АТР в целом	17,2 [60,9]	-3,5	29,2 [67,3]	-5,4	27,7 [42,1]	-4,1	27,8 [42,5]	-4,2
	Западная макрizona	22,4 [69,4]	-4,9	31,5 [71,4]	-6,6	25,9 [42,2]	-5,6	29,0 [52,6]	-6,2
	Восточная макрizona	21,9 [72,4]	-4,8	57,4 [100,0]	-10,7	57,2 [62,0]	-10,7	55,8 [59,4]	-10,5

Примечания. 1 – изменение взаимной торговли, в %; 2 – тарифный эквивалент барьеров в торговле, в %. На основе оценок (табл. 1) определены изменения (в %) двусторонних торговых потоков стран, заключивших торговые соглашения ($[e^{\beta_{FTA}} - 1] \times 100$), и их тарифный эквивалент ($[e^{\beta_{FTA}/(1-\theta)} - 1] \times 100$), для $\theta = 5$. В квадратных скобках указан вклад эффектов от глобализации и регионализации в общий эффект от интеграции в АТР.

Источник: расчеты автора.

Другая реакция была выявлена автором для стран АТР, осуществляющих пролиферацию торговых соглашений, для которых эффект от регионализации превалировал над эффектом от глобализации. Для Западной макрizona вклад регионализации в эффект от пролиферации торговых соглашений для стран-экспортеров был заметно выше, чем для стран-импортеров, что может отражать проявление эффекта домино, а также особенности механизма функционирования производственных сетей между большинством стран данной макрizona. Для стран Восточной макрizona, напротив, в рамках регионализации эффект от пролиферации торговых соглашений для стран-импортеров был выше, чем для стран-экспортеров, указывая на проявление эффекта отклонения торговли за счет получения преимуществ по расширению экспорта лишь некоторыми странами. Оценки, полученные в диссертационном исследовании, указали, что страны, не участвующие в производственной кооперации в АТР (например, Чили) за счет пролиферации торговых соглашений осуществляли наращивание

и диверсификацию экспортных потоков. Страны АТР, которые не осуществляли пролиферацию торговых соглашений, могли рассчитывать только на эффект от глобализации, который, как показали полученные оценки, себя исчерпывает, создавая риски для последующей дискриминации со стороны интеграционных группировок.

Важным следствием анализа тенденций и форм интеграции в АТР для России является базирование интеграционной стратегии на использовании механизма «расширения» крупных интеграционных форматов за счет новых стран-участниц. С этой точки зрения, прежде чем перейти непосредственно к оценке предполагаемых эффектов интеграции для России, в диссертации были определены особенности формирования торговых мегаформатов в АТР и выявлены вызовы для интеграции в субглобальной экономике в связи с процессами «консолидации» и «расширения» торгово-экономических блоков.

Предпосылкой для формирования торговых мегаформатов в АТР (рис. 1) являлось общее понимание необходимости придания динамизма интеграционным процессам в субглобальной экономике за счет гармонизации подписанных соглашений и выработки общей политики по дальнейшему углублению торгово-экономических взаимосвязей.

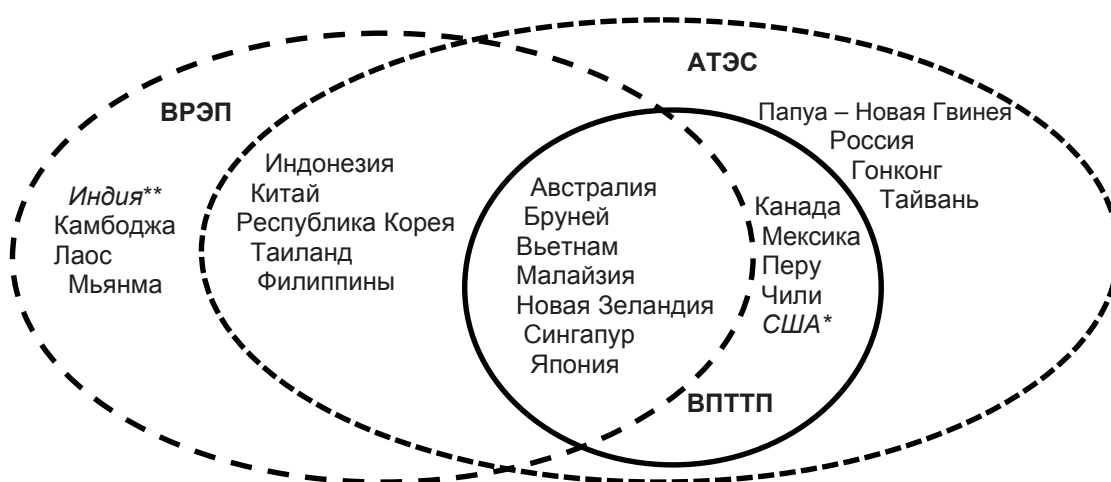

Рис. 1. Существующие (ВПТТП, ВРЭП) и перспективный (АТЭС) торговые мегаформаты в АТР

Примечания. * – США вышли из ТТП в январе 2017 г.; ** – индийская сторона отложила подписание соглашения о вхождении во ВРЭП в 2020 г., при этом в исследовании Индия рассматривается как потенциальный участник мегаформата. В данном контексте АТЭС синонимично Азиатско-Тихоокеанской ЗСТ.

Резкая активизация роли США в начале 2010-х гг. в интеграционных процессах первоначально внесла серьезные коррективы в инерционное расширение торговых соглашений в АТР. В 2018 г. на основе ТТП¹ было заключено ВПТТП в формате ЗСТ+, исключая американскую экономику².

¹ Безусловным лидером в ТТП являлись США, которые осуществляли попытку создания мегаформата в АТР, исключая КНР. Однако в начале 2017 г. президент США Д. Трамп подписал указ о выходе страны из ТТП, которое он расценил как одну из главных угроз национальной экономике.

² Приостановка вхождения США в ТТП изменила логику нарастающей экономической конфронтации в АТР, связанную с частичной изоляцией Китая. Остальные страны ТТП подписали создание ВПТТП.

Торговый мегаформат ВПТТП предполагает значительную либерализацию торговли и инвестиций в рамках «глубокой» интеграции¹. Безусловным лидером объединения выступает Япония, при этом нельзя исключать, что впоследствии американская сторона может вновь присоединиться к ТТП (ВПТТП).

ВРЭП, которое было подписано в конце 2020 г., относится скорее к проекту «поверхностной» интеграции, поскольку затрагивает главным образом снижение тарифных барьеров. Основной движущей силой данного мегаформата на первом этапе будет являться Китай. Если в перспективе индийская сторона примет решение присоединиться к ВРЭП, то в рамках данного формата будут состоять две крупнейшие по демографическому потенциалу страны мира – Китай и Индия. Вероятно, при заметном сокращении нетарифных ограничений между странами ВРЭП масштабы торгово-экономических взаимодействий между участниками могут быть выше, чем в случае ВПТТП+США.

В стадии переговоров между странами-участницами находится ЗСТ в рамках форума АТЭС (Азиатско-Тихоокеанская ЗСТ). В 2006 г. странами, входящими в АТЭС, была начата разработка торгового соглашения, а в 2010 г. озвучены направления, которых следует придерживаться при создании ЗСТ между странами-членами². В случае согласования интересов сторон в перспективе может быть создана ЗСТ между странами АТЭС, которая, вероятно, будет крупнейшей в мире.

Несмотря на потенциальные выгоды от расширения торговой интеграции, имеется ряд вызовов, препятствующих сближению экономических систем в АТР.

Первый вызов заключается в слабо прогнозируемой политике администрации США, текущие решения которой создают значительные трудности для предположения тенденции интеграционных процессов в АТР. Второй вызов имеет системную природу и заключается в отсутствии готовности руководства тех или иных стран АТР осуществлять дальнейшие преобразования в экономике в привязке к институциональным стандартам развитых стран. Третий вызов заключается в одновременном участии целой группы стран АТР в разных мегаформатах, что может поставить данные экономики перед конкурентным выбором более выгодного формата торговых взаимодействий. Четвертый вызов состоит в американо-китайском противостоянии, которое возможно рассматривать как один из факторов формирования двух взаимоисключающих с точки зрения совместного участия США и КНР торговых форматов.

Тем не менее товарооборот между группами стран АТР, которые отнесены к мегаформатам, за последние годы характеризуется видимой тенденцией к росту только в рамках АТЭС по причине расширения торговли между США и КНР. В случае тактического расхождения интересов между США и Китаем создание ЗСТ между странами АТЭС может выступить в качестве компенсаторного механизма, гармонизирующего торгово-экономические связи в АТР.

Несмотря на ряд попыток, создание крупных торговых форматов в АТР, способных полностью абсорбировать многочисленные торговые соглашения в суб-

¹ Устанавливаются: стандарты для защиты прав интеллектуальной собственности и наемных работников; соблюдение экологических норм, режима недискриминационного доступа к национальным рынкам; более жесткие правила определения происхождения товаров; ограничения в субсидировании экспорта государственных предприятий.

² Создание условий по свободному перемещению товаров и капитала; смягчение нетарифных ограничений и прочих торговых барьеров.

глобальной экономике в рамках механизма «консолидации», пока не увенчалось успехом в силу принципиальных разногласий между потенциальными странами-участницами. Обсуждение и создание различных торговых форматов, с одной стороны, генерирует процесс системной фрагментации в АТР, с другой – создает условия для дальнейшей либерализации торговли с точки зрения снижения нетарифных барьеров, в какой-то мере дополняя функции ВТО. Создание крупных торговых форматов в АТР происходит на основе сочетания механизмов «консолидации» и «расширения». Вхождение некоторых стран ВПТТП¹ во ВРЭП объясняется главным образом экономическими мотивами, поскольку для данных стран этот шаг означает снижение барьеров для взаимодействий, прежде всего с Китаем и Республикой Корея, а в перспективе – с Индией. Поэтому, с одной стороны, речь идет о различиях в структуре эффектов, поскольку ВРЭП преимущественно является «поверхностным» интеграционным форматом, охватывая при этом большой рынок, с другой – о «хеджировании» интеграционных рисков с точки зрения сближения с естественными торговыми партнерами.

В третьей главе показаны закономерности интеграции экономики России с зарубежными странами, диктуемые структурными и институциональными особенностями российской экономики, отражена динамика торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР и рассмотрена проблематика сближения России со странами субглобальной экономики, проанализированы особенности расширения торгово-экономического сотрудничества России с КНР, оценены возможные эффекты интеграции российской экономики с китайской, а также определен потенциал расширения торговых взаимодействий России с регионами Китая.

Основными структурными и институциональными особенностями российской экономики, в том числе как фона функционирования для экономик регионов, в нее входящих, являются: существенное эндогенное сопротивление процессу открытия внутреннего рынка с точки зрения нивелирования различного рода барьеров; рост нетарифных барьеров в торговых взаимоотношениях России с целым рядом ведущих стран мира; замещение положительных эффектов от возможной интеграции России с крупными и близкими субглобальными экономиками поддержанием значительных объемов экспорта сырьевых товаров, создавая условия для реализации инерционных и политически обусловленных форматов интеграции с рядом постсоветских стран, размер экономик которых суммарно на порядок меньше, чем российская экономика²; структурная особенность притока ПИИ в Россию с точки зрения доминирования «фиктивных» инвестиций³.

Россия не присоединяется к крупнейшим субглобальным торговым объединениям, что в долгосрочной перспективе грозит упущенными возможностями для национальной экономики по причине ее дальнейшей изоляции. Направления возможной интеграции российской экономики в пользу территориально близких

¹ Австралия, Бруней, Вьетнам, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и Япония.

² Размер российской экономики почти на порядок превышает суммарную экономику Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и в три раза – Содружества Независимых Государств (СНГ), выступая весомым аргументом в пользу того, что Россия не может существенно нарастить экспорт в данные страны, а также получить необходимый объем и ассортимент импорта по причине малого размера рынков этих стран.

³ Выведение из национальной экономики средств в офшоры и их последующий возврат под видом инвестиций. Чем больше в стране таких инвестиций, тем меньше реальных ПИИ. В силу высоких рисков ведения бизнеса в России роль российской экономики в глобальном потоке ПИИ неоднозначна, поскольку заметна ее доля только в оттоке капитала за рубеж.

и крупных рынков сводятся к двум направлениям – страны Европейского союза (ЕС) и АТР. Страны ЕС являются крупнейшим традиционным торгово-экономическим партнером для России, положительные эффекты от интеграции с которыми для России в целом потенциально могут быть самыми высокими из альтернативных. При этом текущие двусторонние внешнеполитические факторы значительно затрудняют осуществление интеграционных процессов между Россией и ЕС, создав стратегический тупик для обоюдных взаимоотношений.

Другое направление – АТР – является перспективным для России, поскольку реальный сдвиг в ее внешних торгово-экономических взаимосвязях произошел в пользу именно этого направления. Однако экономическое пространство АТР, в отличие от европейского, является в значительной степени гетерогенным как с точки зрения своей структуры, так и степени торгово-экономических взаимосвязей России со странами субглобальной экономики. С некоторыми странами АТР у России сохраняется текущее политическое противостояние, при этом с большинством стран субглобальной экономики таких противоречий не наблюдается. На рынке АТР российская экономика находится вне рамок производственной кооперации и занимает гораздо более скромное место, чем на европейском рынке. Несмотря на многочисленные меморандумы торгово-экономического сотрудничества с близкими и крупными экономиками АТР, Россией осуществлялись попытки постепенного нивелирования барьеров только с территориально удаленными странами АТР, имеющими почти незаметную долю во внешнеторговом обороте¹. Помимо сдержанных интеграционных процессов, Россия участвует в деятельности многосторонних экономико-политических объединений в АТР, например, в рамках форума АТЭС. Современный процесс выстраивания внешнеполитических отношений России со странами АТР негласно получил название «поворот на Восток».

В торговых мегаформатах АТР Россия участия не принимает. Недостаточная мотивация у России для сближения с данными форматами объясняется отсутствием эндогенного спроса на подобную интеграционную политику, что отражается в текущей стратегии «борьбы», предполагающей активное использование механизмов ВТО, а также усилия по реализации своих субглобальных проектов². Возможно, бизнес стран, не присоединившихся к торгово-экономическим форматам АТР и не создавших с ними ЗСТ, будет испытывать дискриминацию на рынке АТР, сталкиваясь с высокими барьерами во взаимодействиях. Во избежание этого для России в качестве основы для «поворота на Восток» должны выступить новые инструменты, позволяющие ей стать полноценной частью экономики АТР. С этой точки зрения, для России имеет смысл придерживаться стратегии «адаптации», а не «борьбы», в том числе для возможного сокращения различного рода негативных последствий, генерируемых внешнеполитическими факторами, и создания условий роста экономики на основе положительных интеграционных эффектов. Выбор российской внешнеэкономической политики в пользу стратегии «адаптации» в интеграции со странами / группами стран АТР предполагает получение сравнительной оценки возможных эффектов для российской экономики.

¹ Создание ЗСТ+ между ЕАЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения) и Вьетнамом в 2016 г.; подписание соглашения о создании ЗСТ между ЕАЭС и Сингапуром; анонсированные в 2010 г. российско-новозеландские переговоры о подписании ЗСТ+ были приостановлены после 2014 г.

² Углубление интеграции со странами ЕАЭС и ведение переговоров о заключении торговых соглашений с периферийными странами, не входящими в крупные торговые объединения.

Принципиальным моментом для России является возможность акцентированного снижения барьеров торгово-экономических взаимодействий с Китаем, т. е. с наиболее крупной и территориально близкой экономикой АТР. Следует заметить, что китайская экономика характеризуется высокими рисками ведения экономической деятельности по сравнению с развитыми странами, а ее рост в целом экстенсивен. Для России Китай не является страной, сопряженной с точки зрения институциональных и культурных факторов, в отличие от стран ЕС и СНГ. КНР часто применяет различного рода ограничения для импортных товаров, исходя из эндогенных политических мотивов и собственной трактовки экономической безопасности. При этом, помимо расширяющегося торгового взаимодействия России и КНР, похоже, постепенно создаются предпосылки для двустороннего снижения барьеров между странами. В рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)¹ и БРИКС² декларируется расширение экономических отношений между Россией и КНР, которые могут являться основой для создания ЗСТ между странами.

Поскольку КНР для России естественный торгово-экономический партнер, в диссертационном исследовании были оценены эффекты интеграции, необходимые для создания результативной ЗСТ между данными странами³ в случае нивелирования тарифных и части нетарифных барьеров⁴. Оценка показала, что при взаимном нивелировании тарифных и части нетарифных барьеров между Россией и КНР⁵ эффект создания торговли превысит эффект отклонения, а общий торговый эффект (сумма эффекта создания и эффекта отклонения) будет выше потерь тарифной выручки, указывая на возможную результативность российско-китайской ЗСТ (табл. 3).

Таблица 3. Эффекты создания ЗСТ между Россией и КНР, млрд долл.

Показатель	Для России	Для КНР
Эффект создания торговли	5,17	2,72
Эффект отклонения торговли	2,21	0,57
Эффект благосостояния	0,37	0,21
Потери тарифной выручки	3,42	0,62
Увеличение объемов импорта из КНР в двухсторонней торговле, %	14,50	
Увеличение объемов экспорта из России в двухсторонней торговле, %	8,79	

Источник: расчеты автора.

Проведенная оценка реакции на обоюдное нивелирование тарифных и части нетарифных барьеров является лишь проявлением «поверхностной» инте-

¹ В ШОС входят Россия, КНР, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Индия, Пакистан.

² В страны БРИКС, помимо России, входят Бразилия, Индия, Китай и ЮАР.

³ Для оценки применена модель частичного равновесия Всемирного банка (GSIM), 2014 г. – базовый.

⁴ В соответствии с проведенными оценками, средневзвешенная пошлина для КНР на российские товары составила: 7,9% – тарифные меры и 0,3% – нетарифные ограничения; для России на китайскую продукцию – 7,4% и 0,8% соответственно.

⁵ В отличие от Китая, другие страны АТР практически не облагают пошлинами российский импорт топливно-энергетических товаров и минеральных продуктов. С этой точки зрения получение обоюдных уступок является более мотивирующим для России с КНР, чем с другими странами АТР.

грации для России с КНР. В этом случае либерализация торговли с КНР может вызвать некоторые изменения в товарной структуре российского экспорта, но они не будут кардинальны. В экспорте из России в КНР может наблюдаться некоторое смещение акцентов с невозобновляемых ресурсов на продукцию химической, нефтехимической и пищевой отраслей, а также сельского хозяйства и рыболовства. Согласно оценкам, полученным автором, импорт из КНР в Россию может увеличиться по широкому спектру товарных групп, как потребительского, так и инвестиционного назначения¹.

Одним из драйверов расширения экономического сотрудничества между двумя странами, вероятно, могут выступить прямые капиталовложения в Россию из КНР, но обмен инвестициями между странами довольно скромный, вопреки многочисленным подписанным двусторонним меморандумам о сотрудничестве. Возможно, в долгосрочной перспективе функцию по инвестированию в проекты азиатской части России возьмут на себя создаваемые в настоящее время при непосредственном участии Китая международные финансовые учреждения: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, банки БРИКС и ШОС. В этом случае, наряду с увеличением двустороннего товарооборота и, в последующем, как предполагается, притока капитала из Китая, Россия способна незначительно диверсифицировать товарную структуру экспорта в КНР.

Китай является протяженной в пространстве страной и характеризуется дифференцированными торговыми взаимосвязями с российским рынком как для экспортных, так и импортных потоков². Поэтому основной задачей для расширения объемов и товарной диверсификации экспорта России в КНР является максимально активное присутствие на внутреннем рынке Китая с точки зрения преодоления всевозможных барьеров межпровинциальных взаимодействий. Данное обстоятельство потребовало проведения дополнительной оценки потенциала торговых взаимодействий России с китайскими регионами.

Барьеры (устранение которых является потенциалом для расширения торговли) в тарифном эквиваленте, сдерживающие торговлю России с китайскими регионами, в диссертационном исследовании были вычислены на основе эффекта границ для экспортных и импортных торговых потоков в рамках гравитационной зависимости методом квазикасимального правдоподобия Пуассона, представленной в следующем виде:

$$\frac{x/im_{ijt}}{y_{it}y_{jt}} = \exp [\beta_0 + \beta_1 \ln d_{ij} + \beta_2 CONT_{ij} + \beta_{3...n}(CN_{1...31} \times N_{1...m}) + \lambda_i + \lambda_j + \eta_t] \times \exp^{\varepsilon_{ijt}}, \quad (4)$$

где: x/im_{ij} – экспорт / импорт из страны / региона i в страну / регион j ; y_i – ВВП страны / ВРП региона i ; y_j – ВВП страны / ВРП региона j ; t – временной промежуток; d_{ij} – расстояние в километрах между i и j . Остальные независимые переменные – фиктивные. $CONT_{ij}$ отражает наличие совместных границ между китайским регионом i с его зарубежным торговым партнером j . Другие фиктивные переменные характеризуют эффекты границ в рамках торговых взаимодействий китайских регионов (CN) с объектами, относящимися к отечественному и зарубежному рынкам (N),

¹ Определенная часть импортных товаров является продукцией переработки российского сырья.

² Во второй половине 2010-х гг. экспорт из России был ориентирован преимущественно на провинцию Хэйлунцзян (34,7%), город центрального подчинения Пекин (30,9%) и провинцию Шаньдун (21,8%).

т. е. к 31 региону КНР и 217 странам и территориям мира. Меняющиеся во времени и для территориальных объектов факторы контролировались включением фиксированных эффектов по времени – η , по странам / регионам – экспортерам и импортерам – λ . Исходный массив данных, описывающих торговые взаимосвязи между объектами, представлен 2017–2019 гг.

Полученные оценки дают основание утверждать, что поставки российской продукции в регионы КНР сталкиваются с большими барьерами по сравнению с поставками продукции на российский рынок из китайских регионов, поскольку эффект границ для импорта из китайских регионов в Россию составлял 75,7%, а экспорт из России в китайские регионы – 100,4%¹ (табл. 4).

Таблица 4. Значения коэффициентов регрессии (4)
для экспорта в китайские регионы и импорта из регионов КНР

Переменные	Экспорт		Импорт	
	β	s.e.	β	s.e.
<i>CN x RU</i> (торговля с Россией)	-2,78*	0,21	-2,25*	0,22
<i>CN x JP</i> (торговля с Японией)	-2,70*	0,20	-2,73*	0,20
<i>CN x KR</i> (торговля с Республикой Корея)	-2,78*	0,20	–	–
<i>CN x USA</i> (торговля с США)	-1,60*	0,23	–	–
<i>CN x EU</i> (торговля со странами ЕС-28)	-0,93*	0,24	-1,21*	0,24
<i>CN x HK</i> (торговля с Гонконгом)	-3,66*	0,19	–	–
<i>CN x TW</i> (торговля с Тайванем)	-2,08*	0,20	–	–
<i>CN x AUSNZ</i> (торговля с Австралией и Новой Зеландией)	-1,43*	0,22	-1,69*	0,23
<i>CN x AFRICA</i> (торговля с африканскими странами)	-0,94*	0,24	-1,14*	0,24
<i>CN x SAMERICA</i> (торговля с странами Южной Америки)	-1,08*	0,23	-0,99*	0,24
<i>CN x CAN</i> (торговля с Канадой)	-1,62*	0,22	–	–
<i>CN x MEX</i> (торговля с Мексикой)	-1,47*	0,23	–	–
<i>CN x KZ</i> (торговля с Казахстаном)	-2,45*	0,21	-2,47*	0,21
<i>CN x PAK</i> (торговля с Пакистаном)	-1,90*	0,22	-1,73*	0,22
<i>CN x IND</i> (торговля с Индией)	-2,21*	0,22	–	–
<i>CN x GULF</i> (торговля со странами Персидского залива)	-0,96*	0,23	-1,67*	0,23
<i>CN x ASEAN</i> (торговля со странами АСЕАН)	-1,66*	0,22	-2,38*	0,20
<i>CN x OTHERS</i> (торговля с прочими странами)	-0,57**	0,24	-1,23*	0,24
<i>CN x CN</i> (торговля между регионами КНР)	-1,74*	0,12	-1,94*	0,12
<i>CONT</i>	2,67*	0,12	2,60*	0,12
<i>Ind</i>	-0,99*	0,03	-0,82*	0,03
Константа	-23,23*	0,22	-24,44*	0,22
<i>Pseudo R</i> ²	0,60	–	0,56	–

Примечания. * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$. s.e. – значения стандартных ошибок. По причине наличия мультиколлинеарности импорт из китайских регионов в некоторые страны был отнесен к прочим странам. Эталонным значением для оценки определена торговля внутри регионов КНР по причине наименьших значений эффекта границ.

Источник: расчеты автора.

¹ Здесь и далее тарифный эквивалент эффекта границ оценен выражением $[e^{\hat{\beta}_n/(1-\sigma)} - 1] \times 100$, при $\sigma = 5$.

Данные барьеры объясняют проявление эффекта монополии в форме посреднических структур, расположенных в ряде провинций КНР, осуществляющих контроль над потоками российских товаров, поступающих на китайскую территорию. Это указывает на необходимость российским поставщикам диверсифицировать потоки товаров в другие регионы КНР с целью обхода посредников и освоения новых региональных рынков сбыта в Китае. Более подробные оценки, полученные автором по каждому региону КНР, показали, что при существенном сокращении барьеров стоимостной объем поставок из России в китайские регионы может увеличиться за счет прироста экспорта российской продукции практически во все регионы, т. е. может произойти более равномерное ее распределение между регионами КНР. В этом случае положительные эффекты от интеграции для России с КНР могут возрасти, способствуя диверсификации российского экспорта. При нивелировании барьеров для китайских товаров преимущества доступа на российский рынок еще больше укрепят приморские регионы КНР, а импорт в Россию станет еще более неравномерным между регионами Китая.

В четвертой главе проанализирована динамика торговли России с мегаформатами АТР, оценены сравнительные эффекты интеграции России с данными мегаформатами, в рамках стратегии «неучастия» в интеграционных процессах в субглобальной экономике оценены косвенные эффекты для России от создания торговых мегаформатов АТР.

В АТР формируются с высоким уровнем самодостаточности крупнейшие в мире торгово-экономические объединения, характеризующиеся тесными технологическими, институциональными и структурными взаимодействиями стран, в них входящих: ВПТТП, ВРЭП, АТЭС (Азиатско-Тихоокеанская ЗСТ). Исходя из возможности изменения позиции американской стороны, формат ВПТТП в АТР может быть усилен вхождением США (ВПТТП+США), а также «масштабирован» за счет других стран Восточной Азии (за исключением КНР) и Латинской Америки¹, представляя собой расширенный формат ТТП (далее – ТТП+). В перспективе сближение экономик АТР может создать условия для расхождения между странами, интегрированными и не интегрированными в торговые форматы.

Несмотря на периоды замедления двусторонней торговли, тенденция увеличения товарооборота России со странами АТР, вероятно, является долгосрочной. Поэтому обоюдное снижение барьеров России со странами АТР может расширить торговые взаимодействия между ними. По этой причине в диссертационной работе были оценены последствия для эффективного встраивания экономики России в торговые форматы АТР (ВРЭП, АТЭС, ВПТТП+США, ТТП+) для случая стратегии «адаптации».

По причине меньшей тарифной нагрузки на сырьевые товары, формирующие основную долю в товарной структуре экспорта России в страны АТР, средневзвешенная пошлина на импорт из стран ВРЭП, АТЭС, ВПТТП+США и ТТП+ в целом была выше, чем на российскую продукцию со стороны мегаформатов АТР². Для

¹ Индонезия, Колумбия, Республика Корея, Таиланд, Тайвань и Филиппины – страны, которые объявили о заинтересованности присоединения к ТТП (ВПТТП+США).

² Со стороны России на товары из анализируемых групп стран АТР: РФ – ВРЭП (8,8% – тарифные меры и 1,3% – нетарифные ограничения); РФ – ВПТТП+США (12,6% и 10,6%); РФ – ТТП+ (11,5% и 7,6%); РФ – АТЭС (9,2% и 3,7% соответственно). Со стороны групп стран АТР на поставляемые товары из России: ВРЭП – РФ (6,1% – тарифные меры и 0,2% – нетарифные ограничения); ВПТТП+США – РФ (1,3% и 1,3%); ТТП+ – РФ (1,1% и 0,9%); РФ – АТЭС (5,5% и 0,7% соответственно).

случая нивелирования данных барьеров в рамках ЗСТ были получены оценки¹, которые указали на обоюдную результативность интеграции в случае реализации стратегии «адаптации», поскольку эффект создания превысит эффект отклонения торговли (табл. 5).

Таблица 5. Эффекты создания ЗСТ между Россией и группами стран ВРЭП, ВПТТП+США, ТТП+ и АТЭС, млрд долл.

Показатель		ВРЭП	ВПТТП+США	ТТП+	АТЭС
Эффект создания торговли	для России	12,17	7,25	10,65	15,81
	для партнера	4,43	2,84	3,03	6,26
Эффект отклонения торговли	для России	6,87	5,36	7,25	9,87
	для партнера	1,56	2,19	2,32	3,29
Эффект благосостояния	для России	1,83	2,82	3,28	3,43
	для партнера	0,48	0,12	0,29	0,49
Потери тарифной выручки	для России	8,46	8,65	10,04	14,50
	для партнера	1,69	2,04	2,25	3,22
Увеличение объемов двухсторонней торговли для России, %	импорт	18,31	33,18	34,84	10,18
	экспорт	7,38	12,51	8,57	7,46
Увеличение объемов общей торговли для России, %	импорт	4,25	2,53	3,71	5,52
	экспорт	1,20	1,01	1,07	1,92
Увеличение объемов общей торговли для партнера, %	импорт	0,09	0,10	0,09	0,07
	экспорт	0,35	0,30	0,34	0,32

Источник: расчеты автора.

Расчеты, проведенные автором, показали, что и Россия, и ее торговые партнеры в АТР могут рассчитывать на получение эффектов благосостояния, причем для российской экономики этот эффект будет более ощутимым. Для России максимальное увеличение товарооборота, а также соответствующих эффектов интеграции будет характерно при ее сближении с группой стран АТЭС как с наиболее крупным рынком. Создание ЗСТ между Россией и АТЭС может сгенерировать для российской экономики более высокие значения эффекта создания и эффекта отклонения торговли, а также потери тарифной выручки по сравнению с ВРЭП, ВПТТП+США и ТТП+. Для России и групп стран, входящих в мегаформаты АТР, общий торговый эффект будет выше потерь тарифной выручки. При этом потери тарифной выручки для России будут выше, чем для мегаформатов АТР². Автором было определено, что в любом из рассмотренных вариантов Россия сохранит положительное сальдо торгового баланса. ЗСТ с данными мегаформатами может привести к некоторому изменению географической структуры внешней торговли России за счет увеличения импорта из АТР.

¹ Для оценки применена модель частичного равновесия, 2014 г. – базовый.

² Принимая данный факт во внимание, для России баланс выигрышей и потерь от либерализации торговли строится на том основании, что потери тарифной выручки для российского бюджета могут быть впоследствии частично компенсированы наращиванием экспорта с точки зрения увеличения сборов экспортной пошлины; с другой стороны, проявление эффекта создания торговли будет означать более эффективное перераспределение средств через рыночные механизмы.

На основе полученных оценок автором было выявлено, что сближение России с мегаформатами АТР может повлечь за собой определенные изменения ее товарной структуры экспорта. Можно ожидать увеличение доли продукции пищевой и химической промышленности, а также драгоценных и недрагоценных металлов в поставках в группу стран ВРЭП. Вырастет доля продуктов животного и растительного происхождения, а также древесины и товаров пищевой промышленности в экспорте в группу стран ВПТТП+США и ТТП+. Повысится доля разнообразных промышленных товаров, драгоценных и недрагоценных металлов, продуктов животного и растительного происхождения, продукции пищевой и химической промышленности в структуре экспорта в группу стран АТЭС. Что касается импорта в Россию, то при нивелировании ограничений можно ожидать заметного роста поставок транспортных средств из всех рассматриваемых мегаформатов. При снятии запрета на поставку товаров в рамках введенного Россией режима контрсанкций их доля в импорте также заметно увеличится.

Другим важным аспектом является оценка косвенных эффектов для третьих стран, не принимающих участия в интеграционных процессах, к которым может быть отнесена Россия в случае реализации ею стратегии «борьбы». Для данного случая в диссертационном исследовании были выявлены товарные группы экспорта России, которые могут сократить свой стоимостной объем при реализации именно такой стратегии.

Определение косвенных эффектов для национальной экономики (в конкретном случае – российской) от заключения третьими странами крупного торгового объединения было осуществлено на основе оценки эффекта отклонения торговли в рамках модели частичного равновесия.

Проведенный автором анализ показал, что тарифная нагрузка на российские сырьевые товары в субглобальной экономике является незначительной. Это в некоторой степени объясняет нежелание России нивелировать взаимные барьеры в торговле со странами АТР, не учитывая при этом риски постепенного замещения российских товаров в рамках торговых мегаформатов.

В соответствии с выполненной автором оценкой, для российского экспорта косвенные эффекты от нивелирования тарифных барьеров в рамках торговых мегаформатов АТР в целом будут отрицательными в случае накопления полученных эффектов (табл. 6).

Произведенная оценка указала на то, что в перспективе может наблюдаться сравнительно несильное негативное влияние на экспорт из России в страны АТР, отнесенные к торговым мегаформатам, в случае российского «неучастия»: наименьшее негативное воздействие ожидается от нивелирования ограничений в рамках ВПТТП, наибольшее – при создании ЗСТ между странами АТЭС. Несмотря на небольшое отрицательное воздействие на российский экспорт в случае «неучастия» России в мегаформатах АТР, конкурентоспособность российской продукции на рынке субглобальной экономики может снизиться в рамках следующих товарных групп: продовольственная продукция, продукция химической промышленности, металлургии и машиностроения. Фактически данное обстоятельство указывает на то, что интеграционные процессы в АТР опосредованно будут способствовать ослаблению продуктовой диверсификации экспорта из России на рынке субглобальной экономики, смещая его в сторону поставок топливно-энергетических товаров.

Таблица 6. Изменение товарной структуры экспорта из России в торговые мегаформаты АТР

Укрупненная товарная группа российского экспорта	ВРЭП		ВПТТП		ВПТТП+США		АТЭС	
	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%	млн долл.	%
Всего	-427,1	-0,6	-41,6	-0,2	-117,0	-0,4	-864,7	-1,0
Продовольственные товары и сырье	-83,6	-1,7	-14,9	-0,8	-55,2	-2,4	-401,4	-6,8
Минеральные продукты	-1,0	-0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	-0,8	-0,1
Топливо-энергетические товары	-46,3	-0,1	-5,4	-0,0	-2,1	-0,0	-51,6	-0,1
Продукция химической промышленности, каучук	-122,3	-3,1	-3,2	-0,2	-8,1	-0,2	-152,1	-2,3
Кожевенное сырье, пушнина и изделия	-1,4	-4,9	0,0	-0,3	0,0	-0,6	-1,2	-4,2
Древесина и целлюлозно-бу- мажные изделия	-26,5	-1,2	-0,5	-0,2	-1,9	-0,5	-31,9	-1,6
Текстиль, текстильные из- делия и обувь	-5,8	-15,0	-0,1	-0,4	-0,4	-1,4	-4,5	-11,3
Драгоценные, полудрагоцен- ные камни, металлы и стекло	-15,7	-0,6	0,0	0,0	-0,2	-0,0	-14,9	-0,4
Металлы и изделия из них	-67,5	-1,1	-0,6	-0,0	-32,2	-0,6	-133,9	-1,1
Машиностроительная про- дукция	-56,4	-4,4	-16,7	-3,3	-16,9	-1,8	-68,2	-3,0
Прочие товары	-0,6	-1,1	-0,2	-0,8	-0,2	-0,2	-4,1	-1,0

Примечания. В таблице отрицательный знак указывает на сокращение стоимостных объемов российского экспорта, а также относительное снижение поставок из России в страны, отнесенные к торговым мегаформатам АТР (%). 2018 г. – базовый. Несмотря на текущее участие России в форуме АТЭС, предполагается, что в условиях отсутствия спроса в России на интеграцию со странами АТР ЗСТ между странами – членами АТЭС будет заключена без ее участия.

Источник: расчеты автора.

В диссертационной работе подчеркивается, что в долгосрочном периоде может наблюдаться накопление рисков в продвижении российской продукции на рынке АТР в разрезе представленных товарных групп. Поэтому принципиальное значение будет иметь дальнейшее развитие взаимоотношений торговых мегаформатов АТР с третьими странами, к которым относится Россия, с точки зрения формирующейся конфигурации торговых блоков. При создании условно закрытых торговых блоков в АТР страны-члены будут проводить либерализацию торгово-экономических взаимодействий только между собой, сохраняя при этом барьеры с третьими странами. Исходя из этого, на уровне некоторых товарных групп видимое сокращение стоимостных объемов российского экспорта может произойти уже в среднесрочном периоде в случае нивелирования тарифной нагрузки на импорт в рамках мегаформатов АТР и смещения предпочтений потребителей в пользу товаров, торгуемых внутри форматов. Фактически данное обстоятельство может означать последующее замещение российской продукции товарами из стран АТР.

В пятой главе рассматривается региональный аспект экономической интеграции на примере Дальнего Востока России как «оператора» расширения торгово-экономических взаимодействий российской экономики со странами АТР, показаны тенденции торговых и инвестиционных обменов Дальнего Востока со странами АТР, анализируется потенциал институциональных модернизаций, призванных активизировать международные взаимодействия макрорегиона.

В рамках политики «поворота на Восток» для России наиболее принципиальным моментом является возможность и целесообразность включиться в процессы интеграции в АТР в качестве активного игрока и потенциального бенефициара. Возможности непосредственного включения России в процесс торгово-экономической интеграции в АТР главным образом связаны с развитием Дальнего Востока, который территориально относится к этой субглобальной экономике. Широкомасштабный экспорт сырьевых товаров и развитие транспортно-транзитных функций рассматриваются в качестве стратегической основы развития экономики Дальнего Востока на ближайшее время и в перспективе, что описывает содержание концепции «ресурсного транзита». Помимо этого, Дальний Восток может выступить в качестве «оператора» расширения торгово-экономических взаимодействий России со странами АТР, став активным «модулем» сотрудничества на основе интенсификации различных взаимосвязей. Данное обстоятельство способно обеспечить функционирование экономики Дальнего Востока как части российской экономики, при активном ее включении в экономическую систему как СВА, так и АТР в целом. По всей видимости, вследствие величины и разнообразия региональных условий России затруднительно рассчитывать на гармоничную интеграцию с экономикой АТР и СВА, при этом регионы Дальнего Востока могут стать главными «проводниками» успешного вхождения России в АТР. При условии значительного усиления контактов с сопредельными странами регионы Дальнего Востока неизбежно будут втягиваться в орбиту экономического влияния АТР, и в этой связи важно проведение такой политики и создание такой структуры экономики, которые позволяли бы извлекать максимум выгоды от этих взаимодействий. Принципиальные изменения в экономике Дальнего Востока могут быть основаны на либерализации внешней торговли и снижении рисков для экономической деятельности при формировании сильных институтов в национальной экономике.

За 1999–2018 гг. на страны АТР приходилось в среднем более 90% товарооборота Дальнего Востока с зарубежными странами. Доля макрорегиона в экспорте России в страны АТР составляла в конце 2010-х третью часть. Основными экспортными рынками для макрорегиона являлись территориально близкие и крупные экономики СВА, на которые в 1999–2018 гг. приходилось в среднем около 82% дальневосточного экспорта (КНР – 30%, Япония и Республика Корея – по 26%). В связи с выводом на проектную мощность ориентированных на экспорт совместных с зарубежным капиталом нефтегазовых проектов Сахалинской области во второй половине 2000-х гг. данный регион стал обеспечивать почти половину товарооборота Дальнего Востока со странами АТР.

Основными источниками привлечения прямых инвестиций в макрорегион являлись офшорные территории. При этом имеет место искажение статистики реальных потоков капитала, поскольку прежние инвестиции из неофшорных стран

АТР и Европы поменяли адрес своей регистрации¹. Поэтому инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока со странами Большой тройки США (КНР, Республика Корея и Япония) формально является малозаметным. Формирование данной географической структуры поступления ПИИ на Дальний Восток имеет свою логику с точки зрения достижения целей по снижению рисков экономическими агентами. После 2005 г. основная часть прямых зарубежных капиталовложений Дальнего Востока направлялась в Сахалинскую область, доля которой в притоке ПИИ в макрорегион составляла почти 90%.

С 2010-х гг. по отношению к Дальнему Востоку стали применяться новые меры государственной политики. Было образовано Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Совместно с профилирующими федеральными министерствами и ведомствами органы власти и управления Дальним Востоком в настоящее время реализуют несколько стратегических целей², особое место среди которых занимает расширение торгово-экономических взаимодействий со странами АТР: исполнение федеральных целевых программ (ФЦП), предполагающих реализацию различного рода инвестиционных проектов; создание специальных экономических зон – территории опережающего развития (ТОР) и «Свободный порт Владивосток» (СПВ); развитие обрабатывающей промышленности в рамках стратегии импортозамещения; наращивание экспортных поставок в страны АТР. Перечисленные стратегические направления государственной политики выглядят, на первый взгляд, довольно логичными, исходя из наличия накопленных как экономических, так и социальных проблем в макрорегионе. Однако структурные и институциональные характеристики стран с высокой долей природной ренты и высокими рисками в экономике, к которым относится Россия, накладывают существенные ограничения на эффективность принимаемых решений государственной политики, которые рассматриваются в данном контексте как императивные попытки создания «новых» институтов. Проведенная сравнительная оценка показала, что большинство способов достижения целей государственной политики по расширению торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР не выдерживает критики как при сопоставлении с опытом зарубежных стран со схожими структурными и институциональными характеристиками, так и с точки зрения теоретических моделей (табл. 7).

Анализ показал, что способы достижения задекларированных направлений государственной политики по отношению к Дальнему Востоку с точки зрения реализации интеграционного потенциала макрорегиона не могут быть результативными по причине отсутствия совмещения институциональных режимов между Россией с одной стороны и странами АТР – с другой, которые, в свою очередь осуществляют построение открытых экономик. На основе опыта зарубежных стран со структурными и институциональными характеристиками, аналогичными российской экономике, способы реализации интеграционного потенциала макрорегиона должны быть дополнены: увеличением торгово-экономической открыто-

¹ Если в начале 2010-х гг. основным инвестором на Дальнем Востоке был корпоративный сектор из Нидерландов и Японии, то в 2018 г. – Багамы и Бермуды. По оценочным данным, на офшорные территории приходилось более 95% ПИИ, поступивших на Дальний Восток в 2018 г.

² Фактически цели сводятся к обеспечению ускоренного развития экономики, улучшению социально-демографической ситуации, инвестиционного климата и развития инфраструктуры Дальнего Востока.

сти, реализацией стратегии построения экспортно ориентированной экономики и интеграцией с крупными и близкими зарубежными экономиками; снижением инвестиционных рисков и созданием конкурентных условий.

Таблица 7. Государственная политика расширения экономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР: направления, способы достижения, риски и модели их генерации

Направления	Заявленные способы достижения	Риски	Модели генерации рисков
Создание современной транспортной и имиджевой инфраструктуры	Наращивание государственных инвестиций, запланированных в рамках ФЦП	Отсутствие спроса на инфраструктуру со стороны бизнеса, не аффилированного с государством; минимизация положительных мультипликативных эффектов для экономики; дополнительная нагрузка на региональные бюджеты	Модель государственных инвестиций по Уорнеру, критика модели Асхауэра
Создание специальных экономических зон: ТОР и СПВ	Создание особых условий для бизнеса за счет государственных инвестиций, налоговых льгот и преференций в рамках специальной законодательной базы	Искажение в стимулировании экономических агентов; передел малого внутреннего рынка; возведение инфраструктуры за счет бюджетных средств без существенной отдачи	Модель создания неравновесной экономической системы по Парето; «проблема информированности» органов управления для случая высокой политической централизации по Хайеку
Развитие обрабатывающей промышленности	Субсидирование предприятий обрабатывающей промышленности, прямое стимулирование спроса на инвестиционные товары	Подавление конкуренции; перенос на конечного потребителя издержек импортозамещения; снижение конкурентоспособности экспортных товаров	Модель функционирования государственного сектора за счет субсидий; критика модели импортозамещения
Наращивание экспортных поставок в страны АТР	Предоставление информационной и консультационной поддержки для экспортирующих предприятий	Недостаточные усилия по диверсификации экспорта могут привести к нерациональным поставкам продукции на внешние рынки	«Проблема информированности» органов управления для случая высокой политической централизации по Хайеку

Источник: составлено автором на основе анализа руководящих документов органов власти и управления Дальнего Востока, теоретических и эмпирических исследований институционального направления, теории торговой политики, политических рынков и др.

При сохранении текущих тенденций, не подразумевающих создания условий для открытости и снижения рисков в национальной экономике в целом, в рамках Дальнего Востока возможна дальнейшая экстенсивная эксплуатация модели «ресурсного транзита», которая, тем не менее, может быть усилена мерами по продвижению экспорта, его товарной и географической диверсификации, а также минимизации государственного участия в специальных экономических зонах.

В шестой главе представлены оценки интеграционного потенциала торговых взаимодействий Дальнего Востока в целом и дальневосточных регионов со странами АТР, а также оценки факторов инвестиционных взаимодействий Дальнего Востока с зарубежными странами.

Ключевое значение для экономического развития макрорегиона имеет нивелирование различных ограничений или барьеров, препятствующих наращиванию внешней торговли. Дальний Восток, с одной стороны, имеет возможности для расширения торгово-экономических взаимодействий с зарубежным рынком, с другой – тесно встроен в национальную экономику, а укрепление торговых взаимосвязей с остальными регионами страны обеспечивает устойчивое функционирование экономики макрорегиона.

В качестве модели для оценки интеграционного потенциала Дальнего Востока выступила гравитационная зависимость, позволяющая определить эффект границ по методу квазимаксимального правдоподобия Пуассона:

$$\frac{x_{ijt}}{y_{it}y_{jt}} = \exp [\beta_0 + \beta_1 REGION_i + \beta_2 DV_{ij} + \beta_3 RU_{ij} + \beta_4 APR_{ij} + \beta_5 \ln d_{ij} + \beta_6 CONT_{ij}] \times \exp[\lambda_{it} + \lambda_{jt}] \times \exp^{\varepsilon_{ijt}}, \quad (5)$$

где: x_{ij} – товаропоток страны / региона i с регионом / страной j ; y_i – ВВП страны / ВРП региона i ; y_j – ВВП страны / ВРП региона j ; t – временной промежуток; d_{ij} – расстояние в километрах между i и j . Фиктивные переменные, отражающие значения эффекта границ: *REGION* – для внутрирегиональной торговли; *DV* – для торговли между регионами Дальнего Востока (внутри макрорегиона); *RU* – для торговли регионов Дальнего Востока с остальными российскими регионами; *APR* – для торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР. *CONT* – фиктивная переменная наличия совместной сухопутной границы между регионом Дальнего Востока и страной АТР. Факторы, изменяющиеся в динамике и по странам / регионам, контролировались включением фиксированных эффектов для экспортеров и импортеров с учетом времени – λ . Увеличение / снижение эффекта границ следует понимать как снижение / увеличение интенсивности торговых взаимодействий между экономиками.

Полученные оценки показали, что регионы Дальнего Востока торговали более интенсивно между собой и с отечественным рынком, чем со странами АТР (табл. 8).

Меньшее значение эффекта границ в торговле между дальневосточными регионами, а также между регионами Дальнего Востока и отечественным рынком объясняется единым экономическим пространством. В динамике наблюдалось подавление сравнительной интенсивности торговли Дальнего Востока с национальным и зарубежным рынками по причине отклонения интенсивности торговли регионов в пользу местных рынков. При этом обнаружена тенденция сближения регионов Дальнего Востока со странами АТР при углублении «разлома» между экономическим пространством дальневосточных регионов и остальных регионов России¹.

¹ Соотношение значений эффектов границ в тарифном эквиваленте для двух периодов свидетельствует об увеличении барьеров: между дальневосточными регионами – в 1,3 раза; между макрорегионом и остальными регионами России – в 1,9; между Дальним Востоком и зарубежным рынком – в 1,3 раза.

Таблица 8. Значения коэффициентов регрессии модели (5)

Показатель	1999–2018	1999–2008	2009–2018
<i>DV</i> (между регионами Дальнего Востока)	–3,20* (0,18) [122]	–2,90* (0,18) [106]	–3,52* (0,18) [141]
<i>RU</i> (между Дальним Востоком и остальными регионами России)	–3,51* (0,45) [140]	–2,52* (0,39) [88]	–3,88* (0,50) [164]
<i>APR</i> (между Дальним Востоком и странами АТР)	–3,89* (0,46) [164]	–3,53* (0,34) [142]	–4,24* (0,58) [189]
<i>CONT</i> (совместная граница)	0,81* (0,11)	0,58* (0,11)	1,04* (0,11)
<i>Ind</i> (физическое расстояние)	–0,27* (0,06)	–0,39* (0,06)	–0,14** (0,06)
Константа	–24,03* (0,76)	–22,66* (0,49)	–25,39* (1,02)
<i>Pseudo R</i> ²	0,94	0,99	0,87

Примечания. * – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$. В круглых скобках указаны значения стандартных ошибок, в квадратных скобках – значения тарифного эквивалента. Эталоном является внутрирегиональная торговля (*REGION*), исключенная из числа фиктивных переменных.

Источник: расчеты автора.

Снижение различного рода барьеров Дальнего Востока со странами АТР способно нарастить масштабы двусторонней торговли. Полученные оценки для 1999–2018 гг. дают основание утверждать, что нивелирование барьеров со странами АТР может способствовать выравниванию интенсивности торговли Дальнего Востока с отечественным рынком (между регионами Дальнего Востока и остальными регионами России) и зарубежным. В этом случае диапазон увеличения интенсивности торговли, составляющий от 24 до 42%¹, возможно рассматривать как потенциальные значения расширения торговых взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР. Нижний диапазон может предполагать последствия «поверхностной» интеграции со странами АТР, поскольку в этом случае происходит выравнивание в интенсивности торговли с остальными регионами России за счет тарифных и части институциональных барьеров. Верхний диапазон увеличения торговли можно рассматривать для случая «глубокой» интеграции со странами АТР, поскольку предполагается преодоление барьеров отечественного рынка в целом.

При интеграции России со странами АТР между Дальним Востоком и субглобальной экономикой могут быть нивелированы барьеры, которые синонимичны эффекту границ: *тарифная нагрузка* на двустороннюю торговлю, включающая в себя таможенные пошлины; *институциональная нагрузка* – различные ограничения ведения торгово-экономической деятельности². В издержках торговых

¹ Диапазон вычислен как разница между значениями в тарифном эквиваленте эффекта границ в торговле Дальнего Востока со странами АТР и остальными регионами России, а также между дальневосточными регионами (см. табл. 8).

² Если в первом случае барьеры могут быть скорректированы в рамках текущей торговой политики, то для снижения институциональной нагрузки требуется всесторонняя либерализация торгово-экономических взаимосвязей, что лежит в основе «глубокой» интеграции.

взаимодействий непосредственная количественная оценка может быть вычислена для тарифной нагрузки на экспортные и импортные потоки. Приведя параметры к тарифному эквиваленту, возможно путем вычитания из эффекта границ тарифной нагрузки получить количественную оценку институциональной нагрузки двусторонних взаимодействий¹. Дальний Восток является частью российской экономики, что означает: отсутствие каких-либо пошлин (тарифной нагрузки), взимаемых при перемещении товаров между дальневосточными регионами и остальными регионами России; наличие единого национального (институционального) пространства между регионами Дальнего Востока и остальными российскими регионами². По этой причине зависимость (5) представлена в следующем виде:

$$\frac{x_{ijt}}{y_{it}y_{jt}} = \exp [\beta_0 + \beta_1 KR_{ij} + \beta_2 CN_{ij} + \beta_3 JP_{ij} + \beta_4 SA_{ij} + \beta_5 USA_{ij} + \beta_6 \ln d_{ij} + \beta_7 CONT_{ij}] \times \exp[\lambda_{it} + \lambda_{jt}] \times \exp^{\varepsilon_{ijt}}, \quad (6)$$

где переменные *KR* – торговля регионов Дальнего Востока с Республикой Корея, *CN* – с Китаем, *JP* – с Японией, *SA* – со странами ЮВА, *USA* – с США являются фиктивными. Остальные переменные аналогичны (5).

Оценки, полученные в рамках представленной методики, позволили определить сравнительный потенциал расширения торговли Дальнего Востока, достаточность выравнивания тарифной и институциональной нагрузки для увеличения интенсивности двусторонней торговли, а также выявить направление сравнительной интенсификации торговли дальневосточных регионов в рамках географической структуры товарооборота со странами АТР.

Полученные оценки показали, что сравнительный эффект границ в торговле макрорегиона с китайской экономикой имел тенденцию к ослаблению (табл. 9).

С Японией и США, напротив, сравнительный эффект границ заметно вырос, а со странами ЮВА увеличился незначительно. С этой точки зрения, наблюдался процесс наращивания сравнительной интенсивности торговых взаимодействий макрорегиона с Китаем и ослабления – с другими странами АТР.

Для целей декомпозиции эффекта границ была оценена величина тарифной нагрузки торговли Дальнего Востока со странами АТР, понимаемая как сумма средневзвешенных вывозных и ввозных таможенных пошлин. Определено, что экспортные и импортные пошлины, взимаемые Россией, являлись основным источником тарифной нагрузки на торговлю Дальнего Востока со странами АТР. Оценка тарифной нагрузки на товарооборот макрорегиона показала, что основным ее источником в большинстве случаев являлась нагрузка на экспорт и наблюдалось увеличение данной нагрузки на товарооборот Дальнего Востока с большинством стран АТР. При этом ввозная пошлина, отраженная в тарифной нагрузке на импорт товаров, ввозимых на Дальний Восток, имела тенденцию к снижению при скрытом переносе таможенной нагрузки из тарифной в институциональную.

¹ Эти виды нагрузок – сравнительные.

² Дальнейшее использование таможенных пошлин для декомпозиции эффекта границ не позволяет включить в панель торговлю с отечественным рынком. Поэтому полученный эффект границ макрорегиона с остальными странами АТР будет являться сравнительным, отражая его превышение над эффектом границ Дальнего Востока с одной из стран АТР.

Таблица 9. Значения коэффициентов регрессии модели (6)

Значения коэффициентов	1999–2018	1999–2008	2009–2018
<i>CN</i> (торговля между Дальним Востоком и Китаем)	–1,50** (0,76) [45]	–1,62* (0,48) [50]	–1,06*** (0,78) [30]
<i>JP</i> (торговля между Дальним Востоком и Японией)	–1,76* (0,47) [55]	–1,64* (0,47) [51]	–2,02* (0,47) [61]
<i>SA</i> (торговля между Дальним Востоком и странами ЮВА)	–1,78* (0,48) [56]	–1,77* (0,48) [56]	–1,78* (0,49) [57]
<i>USA</i> (торговля между Дальним Востоком и США)	–2,05* (0,48) [67]	–1,70* (0,49) [53]	–2,25* (0,76) [76]
<i>CONT</i> (совместная граница)	1,16* (0,13)	1,65* (0,19)	1,10* (0,09)
<i>Ind</i> (физическое расстояние)	–0,42* (0,07)	–0,29* (0,10)	–0,67* (0,11)
Константа	–29,22* (0,76)	–29,69* (1,05)	–27,17* (1,06)
<i>Pseudo R</i> ²	0,81	0,76	0,95

Примечания. * – $p < 0,01$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,10$. В круглых скобках указаны значения стандартных ошибок, в квадратных скобках – значения тарифного эквивалента. Эталон для оценки сравнительного эффекта границ является торговля регионов Дальнего Востока с Республикой Корея (*KR*).

Источник: расчеты автора.

Поскольку эффект границ между Дальним Востоком и странами АТР является сравнительным, тарифная нагрузка также была приведена к базовой величине – торговле макрорегиона с Республикой Корея в терминах относительного прироста для последующей оценки сравнительной институциональной нагрузки в тарифном эквиваленте¹. Полученные оценки указали на недостаточность выравнивания тарифной нагрузки в торговле Дальнего Востока со странами АТР для существенного роста сравнительной ее интенсивности, поскольку в целом необходимы усилия в снижении институциональной нагрузки за счет нивелирования различного рода рисков и либерализации торгово-экономических взаимосвязей (табл. 10).

Показательно снижение сравнительной интенсивности торговли Дальнего Востока с территориально близким японским рынком за счет увеличения сравнительной институциональной нагрузки. Ввиду большой доли Японии в товарообороте Дальнего Востока необходимы усилия, направленные на снижение институциональной нагрузки для взаимодействия макрорегиона с японским рынком. В этом случае торговые взаимодействия макрорегиона со странами АТР могут заметно интенсифицироваться.

¹ $(Tariff_i / Tariff_{KR})^{1/(1-\sigma)} - 1$, где *Tariff* – тарифная нагрузка, *KR* – Республика Корея (эталон), *i* – остальные рассматриваемые страны АТР, $\sigma = 5$.

Таблица 10. Декомпозиция сравнительного эффекта границ Дальнего Востока со странами АТР, %

Страна / группа стран	1999–2018			1999–2008			2009–2018		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
КНР	45,0	0,00	45,0	49,9	–0,02	50,0	30,3	–0,03	30,4
Япония	55,2	0,02	55,2	50,7	–0,03	50,7	65,8	0,03	65,8
Страны ЮВА	56,3	0,09	56,2	55,7	0,00	55,7	57,0	0,04	57,0
США	66,8	0,02	66,8	53,0	–0,01	53,0	75,6	–0,01	75,6

Примечания. 1 – сравнительный эффект границ в адвалорном (тарифном) эквиваленте; 2 – сравнительная тарифная нагрузка; 3 – сравнительная институциональная нагрузка. Отрицательный знак перед показателем сравнительной тарифной нагрузки указывает на меньшие его значения по отношению к средневзвешенной таможенной пошлине в торговле макрорегиона с Республикой Корея.

Источник: расчеты автора.

Оценки торговых барьеров для всего Дальнего Востока показательны, но агрегированы. К макрорегиону относятся разные по своему масштабу региональные экономики, которые в ряде случаев значительно удалены друг от друга в пространстве, а также в различной степени связаны торговыми взаимодействиями со странами АТР. В ходе оценки (6) были получены статистически значимые оценки для каждого региона Дальнего Востока и обнаружены определенные региональные различия в сравнительном эффекте границ¹, значения которого позволили оценить сравнительный потенциал расширения торговли (табл. 11).

Таблица 11. Сравнительный потенциал расширения торговли регионов Дальнего Востока

Макрорегион / регион	Республика Корея		КНР		Япония		США		ЮВА	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Дальний Восток	1,0	14	1,2	228	1,5	420	1,9	103	1,4	48
Республика Саха (Якутия)	1,2	12	1,0	0	1,2	22	1,5	53	1,5	8
Камчатский край	1,0	0	1,9	408	2,0	309	2,3	140	2,3	55
Приморский край	1,0	0	1,2	249	1,5	250	1,9	75	1,5	60
Хабаровский край	1,2	55	1,0	0	1,4	77	1,7	34	1,1	17
Амурская область	1,5	4	1,0	0	1,2	3	1,2	1	1,2	0
Магаданская область	1,0	0	2,0	132	1,6	204	1,9	221	2,1	16
Сахалинская область	1,0	0	2,0	1553	1,6	3743	2,2	617	1,5	265
ЕАО	1,1	2	1,0	0	2,0	12	1,9	2	1,7	1
ЧАО	1,0	0	1,3	262	1,7	68	1,5	238	1,9	21

Примечания. 1 – отношение перспективных к текущим значениям внешнеторгового оборота (текущие значения = 1); 2 – разница между перспективными и текущими значениями товарооборота (на душу населения, долл.). Несмотря на принятие в качестве эталона эффекта границ для всего Дальнего Востока с Республикой Корея, для некоторых дальневосточных регионов эффект границ с КНР был ниже, чем с корейским рынком.

Источник: расчеты автора.

¹ Для лаконичности изложения количественные оценки эффекта границ для каждого региона Дальнего Востока не приводятся, при этом показано возможное изменение товарооборота со странами АТР для дальневосточных регионов в случае выравнивания сравнительной институциональной нагрузки.

Полученные оценки сравнительного потенциала расширения торговли Дальнего Востока со странами АТР при выравнивании между ними уровней тарифной и институциональной нагрузки, что соответствует случаю «глубокой» интеграции со странами субглобальной экономики, указали на возможность заметного увеличения торговли макрорегиона с японской и китайской экономиками при дифференцированных значениях для регионов Дальнего Востока.

Особенности российской статистики не отражают реальные потоки зарубежного капитала по странам, поэтому потенциальные значения притока ПИИ на основе инструментария гравитационного моделирования идентифицируются некорректно. Поэтому оценки факторов притока ПИИ строились на допущении реализации в России политики по существенному снижению уровня общенациональных рисков¹. При таком допущении преимущества в притоке ПИИ могут получить регионы с наименьшими рисками и высоким потенциалом². Поскольку в АТР расположены основные глобальные инвесторы, снижение рисков в России способно мотивировать приток ПИИ, в том числе в регионы Дальнего Востока.

В исследовании зависимость притока ПИИ от параметров инвестиционного потенциала и риска регионов России представлена следующим образом:

$$\ln FDI_{it} = \beta_0 + \beta_n \ln RISK_{it} + \beta_m \ln POT_{it} + \lambda_i + \eta_t + \varepsilon_{it}, \quad (7)$$

где: FDI_{it} – сумма поступивших ПИИ в i -й регион в год t (в текущих ценах, млн долл. США); $RISK$ – параметры инвестиционного риска; POT – параметры инвестиционного потенциала; β_n – коэффициенты эластичности поступивших ПИИ в i -й регион в год t по показателям инвестиционного риска; β_m – коэффициенты эластичности поступивших ПИИ в i -й регион в год t по показателям инвестиционного потенциала. Фиксированные эффекты по времени – η , по регионам – λ . Расчеты приведены для 2011–2017 гг.

На первом этапе исследования использовались рейтинговые показатели инвестиционного риска российских регионов РА «Эксперт», а также показатель потенциала, отражающий размер экономики – ВРП в постоянных ценах. На основе зависимости (7) была проведена оценка соответствующих эластичностей для общих показателей риска и потенциала (табл. 12).

Полученные значения соответствующих эластичностей указали скорее на различие, чем на общность показателей риска и потенциала, объясняющих приток ПИИ в регионы Дальнего Востока по сравнению с остальными регионами России.

На втором этапе, для более детального изучения влияния показателей риска и потенциала на приток ПИИ, показатели инвестиционного риска и потенциала регионов России дезагрегированы на основе методики рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов компании «РАЭК-Аналитика»³.

¹ В этом случае зарубежные инвесторы могут ориентироваться на специфику эндогенных рисков и потенциалов каждого региона России, а региональные экономики, в свою очередь, могут конкурировать за приток ПИИ, опираясь на свои естественные преимущества.

² Доступным способом получения подобного рода оценки является использование для расчетов статистики Центрального банка России по привлеченным ПИИ с 2011 г. в рамках операций по субъектам РФ, в которых зарегистрированы резиденты, по данным платежного баланса.

³ Инвестиционный риск складывается из экономического, социально-демографического, финансового, управленческого, экологического и криминального частных рисков (групп показателей); инвестиционный потенциал дезагрегируется на частные показатели потенциала: природно-ресурсный, демографический и трудовой, производственный, потребительский, инфраструктурный, инновационный, институциональный, финансовый, туристический.

Таблица 12. Результаты оценки факторов притока ПИИ в российские регионы по общим показателям потенциала и риска

Факторы	Регионы Дальнего Востока	Остальные регионы РФ
Индекс инвестиционного риска (<i>RISK</i>)	-3,12* (0,89)	-1,70* (0,37)
Потенциал (<i>POT</i>)	0,86* (0,31)	1,72* (0,10)
Константа	-8,72** (3,00)	-19,31* (1,02)
<i>R</i> ²	0,42	0,60

Примечания. В скобках приведены значения стандартных ошибок, * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,10$. Представленные оценки учитывают фиксированные эффекты только по времени.

Источник: расчеты автора.

Если сравнить полученные значения, то можно обнаружить скорее различие, чем общность факторов притока ПИИ между дальневосточными и прочими российскими регионами. Более того, соотношение полученных оценок указывает на наличие видимого разграничения по независимым переменным между двумя группами регионов (табл. 13).

Таблица 13. Результаты оценки факторов притока ПИИ в регионы России по частным показателям потенциала и риска

Наименование переменной		1		2	
		β	s.e.	β	s.e.
Показатель криминального риска	(<i>RISKcrime1</i>)	–	–	-0,82*	0,26
	(<i>RISKcrime2</i>)	-3,22***	1,48	–	–
Показатель экономического риска	(<i>RISKecon</i>)	-1,22**	0,48	–	–
Показатель социально-демографического риска	(<i>RISKsoc1</i>)	–	–	-0,82***	0,48
	(<i>RISKsoc2</i>)	–	–	-1,29*	0,42
Показатель финансового риска	(<i>RISKfin</i>)	-0,73*	0,17	-0,10**	0,04
Показатель инновационного потенциала	(<i>POTinn</i>)	0,34*	0,10	–	–
Показатель институционального потенциала	(<i>POTinst</i>)	7,71**	3,65	–	–
Показатель потенциала открытости	(<i>POTopen</i>)	–	–	0,32**	0,04
Константа		-59,80***	34,30	14,72*	2,87
<i>R</i> ²		0,84	–	0,89	–

Примечания. * – $p < 0,01$, ** – $p < 0,05$, *** – $p < 0,10$. 1 – регионы Дальнего Востока; 2 – остальные регионы России. s.e. – значения стандартных ошибок. *RISKcrime1* – число зарегистрированных преступлений (убийство и покушение на убийство); *RISKcrime2* – число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (в % от общей численности преступлений); *RISKecon* – удельный вес полностью изношенных основных фондов (добыча полезных ископаемых) (%); *RISKsoc1* – число дорожно-транспортных происшествий и пострадавших в них (на 100 тыс. чел.); *RISKsoc2* – численность зарегистрированных безработных (тыс. чел.); *RISKfin* – сумма убытка организаций (млн долл.); *POTopen* – отношение товарооборота с зарубежными странами к ВВП (%); *POTinn* – объем инновационных товаров, работ, услуг (в % от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг); *POTinst* – число предприятий и организаций.

Источник: расчеты автора.

Оценка показала, что в случае улучшения инвестиционного климата для России в целом для раскрытия интеграционного потенциала Дальнего Востока с субглобальным рынком капитала, по сравнению с остальными регионами страны, необходимо: снижение эндогенных рисков, связанных с уровнем преступности; стимулирование обновления основных фондов в добывающей промышленности и инновационной деятельности предприятий; осуществление мер, способствующих росту конкуренции на рынке макрорегиона и повышению прибыльности предприятий. Подобные параметры могут быть достигнуты в условиях открытости макрорегиональной экономики и снижения рисков. Данные обстоятельства подтверждают необходимость проведения более дифференцированной политики для интенсификации притока ПИИ в экономику Дальнего Востока по сравнению с остальными регионами России при условии реализации политики по улучшению инвестиционного климата для страны в целом.

В седьмой главе проводится сравнение направлений внешнеэкономических взаимодействий Дальнего Востока со странами АТР в рамках стратегий «неучастия» и «участия» России в интеграционных процессах в субглобальной экономике, сформулированы риски, связанные с изоляционизмом России и Дальнего Востока, показаны преимущества и определены вызовы для национальной и дальневосточной экономики от сближения с экономиками АТР.

Стратегия «неучастия» России в интеграционных процессах, понимаемая как стратегия «борьбы», не противоречит расширению экономической кооперации, поскольку не ориентируется на нивелирование барьеров, отраженных в рамках «лестницы интеграции». Расширение экономической кооперации России со странами АТР означает экстенсивное наращивание торгово-экономических взаимодействий без существенного снижения двух- и многосторонних барьеров, ослабляющих эти взаимосвязи. Исходя из проведенного анализа, в диссертационной работе было отмечено, что мотивация «неучастия» России сводится к следующим аспектам: сохранение существующей институциональной структуры экономики при стимулировании обрабатывающей промышленности в рамках протекционизма и импортозамещения; углубление политико-экономической интеграции со странами ЕАЭС.

Для Дальнего Востока преимущества подобной стратегии представляются несущественными, поскольку охватывают в явном виде только поддержку эпизодических импортозамещающих производств при условии вывоза их продукции на рынки остальных регионов России. Поэтому для макрорегиона данная стратегия сводится в большей степени к негативным эффектам, проявляющимся в снижении общего благосостояния за счет удорожания импорта, в увеличении эффекта границ со странами АТР.

Несмотря на имеющиеся обоснования «неучастия» в интеграционных процессах, Россия может столкнуться в ближайшей перспективе с ограничениями в реализации подобного рода стратегии, которые проявляются в форме как экзогенных, так и эндогенных рисков. Негативный эффект от замещения традиционных экспортных товаров России на субглобальном рынке может накапливаться, что способно вылиться в дискриминацию российских товаров в АТР, особенно при снижении масштаба экспортного потока из России в целом и из Дальнего Востока в частности. Следующим экзогенным риском является исчерпание вклада эффекта глобализации в наращивание взаимной торговли в мире и в АТР в частности. С этой точки зрения, Россия, не используя механизмы интеграции (регионализа-

ции), рискует столкнуться с ограничениями по наращиванию торговли со странами АТР. Другим экзогенным риском является привязка исключительно к одному рынку – китайскому, а по сути, к нескольким провинциям КНР.

К числу эндогенных рисков для России в целом и Дальнего Востока в частности можно отнести снижение конкурентоспособности производителей вследствие наращивания протекционизма, сокращения объемов эффективного импорта по причине его удорожания, а также скромные объемы притока ПИИ из стран АТР (за исключением Сахалинской области). Фактически для Дальнего Востока данные риски консервируют сложившуюся модель «ресурсного транзита», которая не предполагает существенного роста экономики макрорегиона. В таких условиях могут быть применены дополнительные тактические меры государственной политики по стимулированию экспорта из Дальнего Востока через кредитование экспортного сектора, а также к получению услуг со стороны специализированных агентств.

Стратегия «неучастия», с одной стороны, приводит к очевидным негативным эффектам для России с точки зрения теории международной экономики, с другой – способствует сохранению сложившихся механизмов получения тарифной выручки для российского бюджета как с экспортных, так и с импортных потоков при возможности применения механизмов ВТО для решения торговых споров. Риск сохранения барьеров со странами АТР для экономики Дальнего Востока имеет серьезное значение, проявляясь в «консервации» и упрощении модели «ресурсного транзита», сдерживании построения открытой экономики, тенденции создания монополии для экспортируемых товаров. С этой точки зрения проявляется явный конфликт текущих целей между развитием макрорегиональной экономики с акцентом на ее открытость – с одной стороны, и поддержанием ее функционирования за счет внешних для Дальнего Востока государственных инвестиций, следуя стратегии «неучастия» России в интеграционных процессах в АТР – с другой.

Мотивами для стратегии «участия» России в интеграции со странами АТР могут выступить следующие предпосылки: создание условий для поэтапного построения открытой экономики, поскольку либерализация торговли является источником экономического роста; наличие политических и экономических оснований для сближения с крупным и близким субглобальным рынком для диверсификации географической структуры торгово-экономических отношений.

При этом возможно обозначить как минимум два варианта сближения России со странами / группами стран АТР, заключающихся в реализации «поверхностной» и «глубокой» интеграции.

В соответствии с реализацией «поверхностной» интеграции России со странами АТР, подразумевающей обоюдное нивелирование тарифных и части нетарифных барьеров, можно ожидать некоторую товарную и географическую диверсификацию как импортных, так и экспортных потоков России в целом и Дальнего Востока в частности. Увеличение поставок товаров из АТР на российский рынок, ввиду отсутствия тарифных барьеров, помимо роста эффекта благосостояния также может способствовать росту транзита импорта через территорию Дальнего Востока в остальные регионы России.

В идеальном варианте, применительно к России и к Дальнему Востоку в частности, для реализации открытой модели экономического развития, в рамках которой возможно появление спроса на «глубокие» формы интеграции, будут необходимы меры, связанные: со снижением рисков правоприменения, а также с

нивелированием институциональных и тарифных барьеров при взаимодействии с зарубежными странами; с развитием ориентированной на экспорт модели при минимизации практик импортозамещения; с созданием ЗСТ+ с крупнейшими и территориально близкими экономиками, к которым могут быть отнесены страны и группы стран, расположенные в СВА. Положительные изменения в дальневосточной экономике могут быть связаны со снижением инвестиционных рисков на основе формирования сильных институтов в национальной экономике, в условиях либерализации внешней торговли, в том числе со странами АТР. При этом реальными потерями «интеграционной игры» для Дальнего Востока могут стать ужесточение конкуренции за потребителя между продукцией импортозамещающих производств и импортными товарами, относительное снижение интенсивности торгово-экономических взаимодействий с остальными российскими регионами. Особое значение при этом имеет наличие санкционного давления со стороны большинства развитых стран мира, которое способно сузить выгоды от либерализации торгово-экономических взаимоотношений.

В заключении изложены основные выводы диссертационного исследования.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи в научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Изотов Д.А. Территориальная организация экономики КНР и проблема экономического районирования // *Пространственная экономика*. 2008. № 1. С. 43–61. (в соавт. с Демьяненко А.Н.) (1,2 п.л. / 0,6 п.л.)
2. Изотов Д.А. Северо-Восток Китая в условиях мирового кризиса // *Экономика региона*. 2010. № 4. С. 229–233. (0,7 п.л.) (SCOPUS)
3. Изотов Д.А. Российско-китайская торговля и валютный курс // *Пространственная экономика*. 2012. № 3. С. 34–54. (1,2 п.л.)
4. Изотов Д.А. Опыт интеграции науки и образования в странах Северо-Восточной Азии // *Инновации*. 2013. № 1. С. 76–81. (1,0 п.л.)
5. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // *Пространственная экономика*. 2013. № 3. С. 123–160. (2,5 п.л.)
6. Изотов Д.А. Рынок сырьевых товаров Китая // *Пространственная экономика*. 2013. № 4. С. 70–89. (1,2 п.л.)
7. Изотов Д.А. Проблемы экономического взаимодействия сопредельных регионов России и Китая // *Регионалистика*. 2014. Т. 1. № 1. С. 48–70. (1,6 п.л.)
8. Изотов Д.А. Программа сотрудничества между Востоком России и Северо-Востоком Китая: настоящее и будущее // *Пространственная экономика*. 2014. № 2. С. 149–176. (1,5 п.л.)
9. Изотов Д.А. Экономика провинции Хэйлунцзян: перспективы развития в контексте реализации целевых программ // *Регионалистика*. 2015. Т. 2. № 4. С. 31–50. (2,1 п.л.)
10. Изотов Д.А. Либерализация торговли между Россией и Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 75–97. (1,5 п.л.)
11. Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: структурные особенности и динамические проявления // *Известия ДВФУ. Экономика и управление*. 2016. № 3. С. 86–100. (1,0 п.л.)

12. Изотов Д.А. Торговая интеграция России со странами АТР: сценарная оценка эффектов // ЭКО. 2016. № 10. С. 104–124. (1,2 п.л.)
13. Izotov D.A. Liberalization of Russia's Trade with the European Union, BRICS, and Trans-Pacific Partnership Countries // Studies on Russian Economic Development. 2017. Vol. 28. Issue 3. Pp. 338–345. (1,0 п.л.) (SCOPUS)
14. Изотов Д.А. Экономический рост городов в неоднородном пространстве Китая // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 3. С. 789–802. (1,0 п.л.) (SCOPUS)
15. Изотов Д.А. Дальний Восток: новации в государственной политике // ЭКО. 2017. Т. 47. № 4. С. 27–44. (1,1 п.л.)
16. Изотов Д.А. Россия – АТР: перспективы либерализации торговли // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 5. С. 67–78. (1,0 п.л.) (SCOPUS)
17. Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 138–153. (1,0 п.л.)
18. Изотов Д.А. Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли «новые» институты? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2 (38). С. 155–163. (0,8 п.л.) (SCOPUS)
19. Izotov D.A. Modern Trends and Problems of Migration in a Russian Border Region: The Far East // Studies on Russian Economic Development. 2018. Vol. 29. Issue 3. Pp. 245–251. (в соавт. с Мотрич Е.Л.) (1,0 п.л. / 0,5 п.л.) (SCOPUS)
20. Изотов Д.А. Экономические аспекты «майских указов» 2018 года: международная кооперация и экспорт // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 66–77. (1,0 п.л.)
21. Изотов Д.А. Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 92–114. (1,0 п.л.)
22. Изотов Д.А. Сравнительная оценка внутрирегиональных и внешних торговых взаимодействий Дальнего Востока России // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 37–52. (в соавт. с Тошковым К.И.) (1,0 п.л. / 0,8 п.л.)
23. Изотов Д.А. Поступление прямых иностранных инвестиций в российские регионы: факторы потенциала и риска // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 56–72. (1,0 п.л.)
24. Izotov D.A. Foreign Labor of the Russian Far East // Studies on Russian Economic Development. 2019. Vol. 30. Issue 5. Pp. 570–577. (в соавт. с Мотрич Е.Л.) (1,0 п.л. / 0,5 п.л.) (SCOPUS)
25. Изотов Д.А. Оценка потенциала расширения торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока со странами АТР // Регионалистика. 2019. Т.6. № 5. С. 6–30. (в соавт. с Тошковым К.И.) (1,2 п.л. / 0,8 п.л.)
26. Izotov D.A. Interaction of the Russian Far East and Asia-Pacific Countries: Assessment of Institutional and Tariff Barriers to Trade // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10. Issue 2. Pp. 182–193. (в соавт. с Тошковым К.И.) (1,0 п.л. / 0,8 п.л.) (SCOPUS)
27. Изотов Д.А. Интеграционные процессы в АТР: особенности и потенциал расширения // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 20–31. (1,0 п.л.)
28. Изотов Д.А. Оценка сравнительного потенциала увеличения торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2020. № 3. С. 5–20. (1,0 п.л.)

29. Изотов Д.А. Эффекты торговой интеграции стран АТР в условиях процессов глобализации и регионализации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 91–107. (1,0 п.л.)

30. Изотов Д.А. Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 41–55. (1,0 п.л.)

31. Изотов Д.А. Генезис политики экономических взаимодействий России со странами АТР: случай Дальнего Востока // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 124–137. (1,0 п.л.)

32. Изотов Д.А. Торговая интеграция в АТР: декомпозиция эффектов // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 1. С. 66–96. (1,0 п.л.)

33. Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция: теоретические подходы к объяснению механизмов и методика оценки эффектов // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 14–30. (1,0 п.л.)

34. Izotov D.A. Trade Barriers between Chinese Provinces and Russia // Regional Research of Russia. 2021. Vol. 11. Issue 2. Pp. 233–246. (1,0 п.л.) (SCOPUS)

35. Изотов Д.А. Международная экономическая интеграция в условиях процессов глобализации и регионализации // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 5. С. 7–24. (1,0 п.л.)

Авторская монография:

36. Изотов Д.А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. 368 с. (23 п.л.)

Прочие публикации:

37. Изотов Д.А. Демографические вызовы для экономики КНР // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 61–83. (в соавт. с Мотрич Е.Л.) (2,0 п.л. / 1,0 п.л.)

38. Изотов Д.А. Увеличение экспортного потенциала // Развитие экономики Дальнего Востока России: эффекты государственной политики / отв. ред. П.А. Минакир, С.Н. Найден; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. С. 137–153. (1,0 п.л.)

Изотов Дмитрий Александрович

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИИ В АТР:
ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА И ЭФФЕКТОВ
(на примере российского Дальнего Востока)

08.00.14 – Мировая экономика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Подписано к печати 04.10.2021. Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать цифровая. Усл.-печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 2,5.
Тираж 160 экз. Заказ №

Отпечатано в РИОЦ Тихоокеанского государственного университета
680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136